

Виталий Калашников

Стихи, которые

МОСКВА

ГОГЛА
2022

Напечатано в 5 экземплярах

Экз. архива издательства

Библиотека современной поэзии

Выпуск 6

Виталий Калашников

Стихи, которые

издание 3

МОСКВА

ГОГЛА

2022

Андрей Анпилов

Несколько лет тому Виталий, намереваясь издать книгу, попросил предисловие. Книга не вышла, текст лежит в бесхозе. Самого Калашникова чуть ли не год нигде не видел. И стало скучно.

ЮВЕНИЛЬНЫЙ РОМАНС

Может быть, в будущей литературной энциклопедии "заозерной школе" будет посвящена одна строчка. Что-нибудь вроде:

«...а также поэты легендарной "заозерной школы" – И.Бондаревский, Г.Жуков и В.Калашников (см. "Игорь, Геннадий, Виталий...")».

Скорее всего – и больше.

Но она, эта строчка, уже вписана в историю литературы. Миф сложился, книги уже стоят на полке памяти – а в центре ли, с краю – не так важно.

Настоящим поэтам, похоже, все идет впрок. И покой, и гонения, и слава, и официальное замалчивание. Ребят же, в сущности, в начале 80-х стараниями ГБ выдавили из Ростова, фактически сослали от греха подальше. Но в ответ – ни жалоб, ни ропота. Все, что ни есть – во благо поэтической биографии. «Здесь, под спокойным небом Танаиса, Я перестал жить чувством и моментом...»

Здесь, под античным небом Танаиса,
Зимой гостили у меня Гораций,
Гомер, Овидий, Геродот, а летом
Родные и приятели: актрисы,
Писатели каких-то диссертаций,
Изгнанники, скитальцы и поэты...

Оказалось, что поэт живет не столько в южной российской провинции, сколько на крайнем севере античной ойкумены. Хранитель, носитель мировой цивилизации, зимующий ср скифов и сарматов. Отсюда взгляду открывается широк горизонт, мысли откликается дальнее эхо. Игра? Не без того. Но ведь небеспочвенная и талантливая.

Смотри-ка, Геннадий, как все вдруг сложилось удачно!
Ни войн, ни репрессий, и дельта настолько тиха,
Что дух – этот баловень женский, затворник чердачный, –
Никто не тревожит на лоне любви и стиха...

Реализован также и сюжет собственно "озерной-заозерной школы". Та же совместная жизнь на лоне природа, понимание литературы как высокого, естественного, овеванного дружбой и теплом очага, занятия. Прочь от города, урбанизма, политики, от пошлой злобы дня и казенщины.

В Москве и Питере ничего подобного, кстати, не было и быть не могло. Климат суров.

Из всех "заозерщиков" Калашников более всех походил на романтического поэта. Компания, вообще-то, вся подобралась колоритнейшая. Бондаревский – нечто среднее между рыцарем печального образа и вороном-стервятником. Жуков – Калинин-царь с гитарой наперевес вместо кривой шашки, одновременно забубённый и хитроватый.

А Калашников – как на картинке: "Всегда восторженная речь и кудри до плеч...". Юный, вечно на бегу, всегда от чего-то веселый и чем-то вдохновленный, интеллектуально подвижный. Влюбленный как Арамис и самоуверенный как д`Артаньян. Глядеть было противно – такой он, казалось, любимчик, везунчик и счастливчик. Хотя никаких причин для бодрости, вроде, не имелось – ребята существовали социально даже более эфемерно, чем ваша московская братия. А поэту – все в радость. Вообще все.

...Но мы оптимисты: из мрачных предчувствий
Пока ни одно еще не обмануло...

.....

...Там пусто так, что шелест фальши,
И тот немного веселит...

...Лет пятнадцать назад случайно встречаю Виталия на
лице. Бежит, сияет.

- А у меня подборку сняли в "Новом мире"!

- Это ты этим так доволен?

- Но если б ты знал, кому я место уступил!

- ... ?

- Нет, не скажу, чтоб не сглазить...

...Через какое-то время открываю журнал – первая
"перестроечная" публикация И.Бродского в Советском Союзе
("Новый Жюль Верн" и т.д.).

Однако все же странно, что Калашников в свое время не
стал или не захотел стать подающим надежды советским
поэтом. При его счастливом даре обращать внимание на
утешительные стороны реальности (или лирически
интерпретировать безутешное), "молодежности", проник-
новенности и светлой печали – нетрудно было вписаться в
формат "Юности" или "Молодой гвардии". Да и антисоветизм-
то его был какой-то... каламбурно-несерьезный, почти детский:

...Когда певец выходит из народа.

Народ вздыхает с облегченьем...

.....

Мне видится чудесная картина:

Идет страна несметною толпой,

И на знаменах – профиль Буратино,

А в уголочке – ключик золотой...

Не вписался, не захотел...

Да и потом – много еще куда не вписался. Ни в одно модное
поэтическое течение – ни в московский метаметафоризм,
концептуализм, иронизм, ни в питерский неоклассицизм, ни в
провинциальное почвенничество (последнее, конечно, не модно
– но всегда надежно). Слишком живой – для игры в бисер,
чересчур прямодушный и искренний – для соцарта и стеба,

обремененный культурой – для наива – Виталий занял единственную в своем роде нишу – певца-созерцателя, "останавливателя счастливых мгновений".

Поэтика Калашникова – нейтральна, консервативна. Стих – полный благозвучных аллитераций, вокальный, напевный, чаще всего с женскими рифмами. Чувства – изящны и элегичны, идеи – возвышенны, словарь – чуть стилизован. Но при всей традиционности – чувствуется таинственная свобода высказывания, живая современная интонация.

Поэт остро переживает свою связь и оторванность во времени, осмысляет художественную и историческую перспективу.

...И каждый из нас вдруг почувствовал кожей
Старинного быта незримые пути...

.....
Внучка за бабу, а бабу за деду,
Так и живет круговая порука,
Да ведь иначе не вытянуть репку –
Сын за отца, как и правнук – за внука...

.....
...А у нас на пиру есть такие гости,
Что у вас на земле еще не рождались...

Связывание времен – попытка опереться на что-то устойчивое, постоянное. Стилистически – в том числе.

Лирический герой Калашникова – юноша, почти подросток. Это заметно и по избытку энергии, и по хрупкому, умоляюще-нежному поэтическому голосу, и по сосредоточенности на собственных драгоценных душевных движениях, и по глобальности поставленных вопросов. Что есть главный русский "достоевский" вопрос? "Господа, куда же вы расходитесь? Ведь мы еще не выяснили – есть ли Бог???"

...Вновь о бессмертье души нить доказательств Платона
Жадно слежу, но, увы, доказательства эти наивны...

.....

...Душа не поверит в наивные сказки,
Что в детях она повторится и в травах...

Лирический герой словно впервые узнал о существовании старости и смерти. Что же делать, как жить? Причем ответ требуется немедленный. С такой сокрушительной болью мировые проблемы, как личные, переживаются только в ранней юности.

...Она (душа – А.А.) не живет – ожидает расплаты,
И нужно ей не утешенье, а – выход...

Обычный взрослый выход – допустим, в вере, в мужестве, в духовном труде, в стоическом агностицизме. Юность же бунтует, жаждет скорого чуда, волшебного освобождения.

...Сейчас промелькнет? Я сейчас загадаю,
Ведь должен хотя бы однажды успеть я...
Чиркнула! И снова я не успеваю
Сказать это длинное слово: бессмертье.

.....
...Что это? Всего только новая прихоть
Глядящей в упор обезумевшей ночи
Иль это душа, отыскавшая выход,
Разгадку сознанию поведать не хочет?"

...Молодость без старости и жизнь без смерти... Боль и беспомощность героя усугублены тем, что все, что не старость и смерть, для него – счастье. Кажется, он по-райски лишен чувства первородного греха. Для него еще как будто не разделено душевное и духовное. Земля – тепла и прекрасна, жизнь – полна поводов для любви, причин быть счастливым.

...И каждый бессмертник был нежной уликой,
Тебя каждый миг уличающей в счастье...

.....
Мы были во власти того состоянья,
Столь полного светлой и радостной мукой,
Когда даже взгляд отвести – расставанье...

Вообще – "Хижина под камышовой крышей" (откуда большая часть цитат) крайне важна для понимания поэзии Калашникова. Своего рода "Звездный ужас", но – сплошь лирика. Вот она, полнота бытия – все совпало, все благоприятствует блаженству – природа, родина, любовь, юность. И – разверзаются бездны. Под ногами – археологическая тьма веков. Небеса – вечные звезды смеются над смертными. И – душа, полная неизвестности. Вот-вот, кажется, герой что-то нащупает спасительное в бездне сознания, но... в руках остается только перо жар-птицы ("сиреневый плащ"). Т.е. – любимая.

К ней же (мимо адреса) обращены самые заветные человеческие слова:

...Любимая, я умираю.
Приди, спаси и сохрани.

Значит, судьба предлагает или поэт выбирает – не выход, а утешение. Человеческое, "слишком человеческое", которое читателя (да хоть и меня, как ни горько признаться) сильнее всего и трогает в искусстве – чему слабое сердце сочувствует.

Если время нельзя отменить, его возможно хотя бы замедлить, растянуть. Что Виталий с упорством и проделывает едва ли не в каждом стихотворении. Бережно переносит лирическое чувство, как полную чашу, от первой строки до последней. Вслушивается, осязает, вглядывается, припоминает, фиксирует каждый перелив мысли и настроения, в заодно – все, что на глаза попадется.

...Деревья, пауки, стрекозы, змеи.
Кузнечики, собаки, комары.
Жуки, трава... Когда б себе позволил,
То так и продолжал бы без запинки,
Наверно, не назвав и сотой доли
Того, что я увидел вдоль тропинки...

Именно – что позволил, даже вменил в обязанность. А есть у Калашникова совершенно японские акварели, проникнутые тончайшими впечатлениями и эмоциями. Сделанные словно с утраченным секретом – с ювелирной точностью и капризной грацией:

Ветку рукой отводил и наткнулся на почку...

.....

Став на колени, словно пить хотел,

У выхода античной анфилады...

.....

В лед вмерзший камыш

шелестит и звенит от поземки...

и т.д.

А "Богомол", "Изабелла"! Медленное, подробное, хищное зрение – а мышление беглое, молниеносное.

Почти замершее время, переполненное биением жизни.

Есть особое, "взрослое" целомудрие лирика – освободить пространство стиха от "я", самораскрыться до полного исчезновения "эго". "Есть искус, и ты его знаешь", "Пир", "Кедр" – спето самозабвенно. В сущности, это новый уровень существования – жертвуя собой, душа обретает свободу и могущество.

В конце концов, прямое дело поэта – расточение сокровищ, самоотдача. И поэту есть чем осчастливить /взять в соучастники/ современников и потомков.

...Есть пляжи любви,

есть приливы надежды,

созвездия веры...

.....

И все, что длится на этом пире,

Словно брачная ночь – в глубине сердца!

Это нам – флейты, дворцы, приливы, им – чуть слышная издалека музыка любви и надежды.

Юная, вопрошающая, расточающая нежность и сердечный огонь поэзия... Может быть, и правда таких поэтов больше не делают? Может, прав Виталий?

Я – последний летающий ящер.
Свистом крыльев будил мезозой...

Верить не хочется. Поэзия жива, пока хоть чем-то отличается от прозы – чем-то таинственным, что древнее древности, юнее юности...

И напоследок:

"...И снова я не успеваю...". Отчего же? Вот же оно, заветное слово – последнее в последней строке.

Стихотворение не без причины записывается в столбик – оно состоит не только из периодов речи – предложений, но и собственно из стихов-строк. Строка – единица смысла. А уж последняя – окончательный итог, то, "на чем сердце успокоится". И он, этот вывод, "выход" – зачастую опрокидывает, пересиливает прозаическую логику.

Грамматическая конструкция говорит "нет" – стих говорит "да".

...Сказать это длинное слово: бессмертье!

.....

...Спокойны как боги, бессмертны как дети.

.....

...Приди, спаси и сохрани.

Удивительным образом у Виталия все получилось. Не поэт – поэзия сама нашла выход.

Говорят, что один из признаков подлинности в искусстве – когда творение мудрее и выше своего создателя.

А. Анпилов

Стихи

[Первое ‘взрослое’ стихотворение Виталия Калашникова]

* * *

В лучшей своей амунии
Люди ложатся в гробы –
В силу порочной традиции,
А не каприза судьбы.
Живу я легко и беспечно,
И вам не стоит отчаиваться –
Вот я собираюсь жить *вечно*,
И пока у меня получается.

1974

* * *

– Загрустил? Ты не голоден? Может, я что-то поджарю?
Хочешь, милый, тебе я картошки поджарю?
Ты сиди, а я быстро картошки поджарю.
Ты надолго ко мне? Без тебя я больна...
Я почувствовал – день совершенно бездарен,
Но я знал уже – я безнадежно бездарен,
Но я видел, что мир очень пошел и бездарен,
И во всем виновата, конечно, она.

И сказал я: «Не нужно мне вашей картошки!»
Прошептал я: «Не нужно мне вашей картошки».
Прокричал я: «Не нужно мне вашей картошки,
Я в обиде на вас, я поеду домой!»
И пошел я по очень обидной дорожке,
И побрел я вдоль очень обидной дорожки,
И поплелся вдоль самой обидной дорожки,
Размышляя угрюмой своей головой:

– Никогда, никогда я сюда не приеду,
Никогда, ни за что я сюда не приеду,
Больше в жизни ни разу сюда не приеду! –
Так я думал сердитой своей головой.
Но плелась вдоль дороги за мною по следу,
Но бежала вдогон по угрюмому следу,
Но летела за мной по сердитому следу
Та любовь, что всегда верховодила мной.

1977

* * *

Он вздрогнул, когда на плечо опустилась ладонь,
И оба глядели, а космос гудел, догорая.
– Не слишком ли сильным ты сделал огонь, дорогой?
– Не слишком ли сильным я сделал огонь, дорогая?

1978

* * *

Сказала: «Нам нужно расстаться с тобою,
Я больше тебе никогда не открою».
Я вышел, и дверь затворилась за мною,
И лязгнул замок за моею спиною,
Но я не хотел отойти от двери.
Пустяк, – думал я, – тренирует характер.
И вдруг стало страшно мне, будто я заперт.
Я заперт, я заперт! Я за...
– Отопри!

1978

ВРЕМЕНА ГОДА

1

Улыбаешься? Думаешь, снова заныл
И вернулся по первопутку?
Нет, я попросту книгу забыл
И заехал за ней – я всего на минутку.

2

Отопри... Я не пьяный... А я не ору,
Я за спиннингом только... Не надо так круто.
Хорошо – все свое я сейчас заберу,
Не волнуйся, я быстро, я лишь на минутку.

3

Ну, понятно, а то я стучу и стучу...
Нет, спасибо... Привет, разве что... Не хочу.

4

Я сначала тебя не узнал почему-то...
Да, я знаю, я летом к тебе заходил.
Понимаешь, я что-то здесь все же забыл...
Я проездом, я – так, я всего на минутку.

1977

* * *

Запутавшийся в чем-то главном,
Я ничего не понимаю,
На прошлое я строю планы,
О будущем вспоминая.
Меня не сыщешь в настоящем,
Где, переполненный слезами,
Я на судьбу смотрю просяще –
Почти собачьими глазами.

1979

* * *

Ветку рукой отводил и наткнулся на почку.
Что-то такое знакомое вдруг проскользнуло.
Где еще так вдруг дрожала рука у меня?
Где еще так осторожно я пальцами гладил
И еле заметный рукой обходил бугорок?
Еще раз потрогал... Ах, да, ну конечно, конечно –
Я все позабыл, а рука все тоскует и помнит
О родинке милой на белом плече.

1986

Я ТАК ХОЧУ ТУДА, В НАЧАЛО...

*Но горестное чувство утеканья
Присуще нам, как зрение и слух.
Л. Григорьян*

Я так хочу туда, в начало,
Где столько света и тепла
И нужно от любви так мало –
Всего лишь, чтоб она была,
Где мир глядит в тебя влюбленно
И нежен, словно мягкий мех,
Где чувство неопределенно
И разливается на всех,

Или туда, где мир развенчан –
Он расплывается в слезах,
Напоминая чьи-то плечи,
Улыбку, волосы, глаза,
Где ты застыл, закрепощенный
Объятьем маленькой руки,
И жизнь разгадкой воплощенной
Щебечет у твоей щеки,

Или хотя б туда, где зачат
Кромешный быт и неуют,
Где мелочи так много значат,
А сны покоя не дают,
Где в первых приступах отчаянья
Любовь, не зная, как ей быть,
Познавши чувство утеканья,
Спешит себя оборонить...

Но можно и туда, где поздно
Ее спасти или беречь,
Где все горит, где несерьезно
Ждать повода для новых встреч,

В ежеминутное прощанье,
Когда любовь уже не жаль, –
Там бродит за чертой отчаянья
Такая светлая печаль.

Но, впрочем, можно жить и дальше.
Там мир так медленно болит,
Там пусто так, что шелест фальши
И тот немного веселит,
Где собираешься в дорогу,
Чтоб все забыть в чужом краю,
Где чувство тлеет, понемногу
Подтачивая жизнь твою.

Но только не сюда, где, вдавлен
В кровать волной небытия,
Цепляюсь я за образ дальний,
Почти забытый мной, где я
Свой взгляд уже не отрываю
От окон и входной двери.
Любимая, я умираю.
Приди, спаси и сохрани.

1985

* * *

В. Коркии

Здесь, в Испании, где ты
и всегда найдется та,
где послания – цветы,
а признание – плита,

здесь любая площадь – круг
для копыт и красных краг,
там, где ты или твой друг
с кровью заключают брак.

Сразу возникает бык,
наставляет острый рог,
испускает смертный рык,
разворачивает бок,

разворачивает бок –
круглый, словно ржавый бак,
необъятный, как каток,
и лоснящийся, как лак.

Соблюдая внешний шик,
подавляя первый шок,
делает свой первый шаг
будущий костей мешок.

Делает свой первый шаг
в окруженье верных слуг,
разворачивает стяг,
каблуком бьет о каблук,

и под общее «ура!»
ты увидишь через миг:
бандерильи – шампура
входят в будущий шашлык.

Продолжаешь наступать,
говоришь: иди сюда! –
чтоб скатеркою застлать
стол нестрашного суда.

Ведь не жаль, не жаль, не жаль,
все предчувствуют конец,
и твоя пронзает сталь
сразу тысячи сердец.

Под прицелом этих глаз
ты застыл один – в крови.
Вот примерно так у нас
объясняются в любви.

1997

* * *

Твой телефон на сердце моем
Выжжен. И все. И не будем о нем.

Станет хирург мое сердце вертеть,
Долго звонить он не будет хотеть,

Долго, шнура распуская витки,
Долгие будет он слушать гудки,

И наконец-то в уставшие уши
Выдохнет худенький голос старуший:

– Слушаю.

– Умер товарищ один. Думали, может,
Родным сообщим.

– А у меня-то и нет никого,
Поумирали. Ну, ничего.

... Пальцем хирург мое веко поднял.

– Карие, – сухо он в трубку сказал.

– Может, и знала когда-то его.

– Что ж, извините.

– Ну, ничего.

1978

АМФОРА

Став на колени, словно пить хотел,
У выхода античной анфилады
Черпал ладонью пепел и глядел
На глиняное сердце винограда.

Есть нестерпимый зуд припоминанья,
Когда застыл в предчувствии вины,
Но слышен только гул из глубины
Бездонного и зыбкого сознанья.

Там что-то с совестью.
Я был бесчеловечен.
Забытая, я знал, что это ты,
Когда поднял за худенькие плечи
К своим губам и отпил
пустоты.

1982

* * *

Заговорившись, за окраину
Мы незаметно забредем
И вдруг откроем, как неправильно,
Как безоглядно мы живем.
И, осторожно сев на корточки
В подножиях высотных сосен,
Протягиваем белке зернышки,
Как будто милостыню просим.

1979

* * *

А.Т.

Обо мне говорят:

Жил, словно вор, на заброшенной даче,
Вечно рассеян и взгляд озадачен,
Ставен ни разу не открывал:
Что-то скрывал – наркоман, воровал?
Связан с какой-то актрискою местной –
Люди о ней отзывались нелестно.
Вечером поздно она приезжала
И, говорят, что его содержала...
Гости бывали из-за границы –
Мы на него заявляли в милицию.

Я говорю:

Было да сплыло заветное счастье –
Это судьбе моей не прощается.
Жил я у города на краю –
В маленьком доме,
В маленьком доме,
В маленьком доме...
В огромном раю.
Каждую ночь из соседнего леса
В гости ко мне приезжала принцесса,
Ночью мы жили, словно семья:
Я, моя радость и мышка моя.
Днем же один оставался я дома,
Сказки писал и читал их знакомым,
Мышка в норе отсыпалась до ночи,
Ну, а лесная принцесса моя
При царском дворе работала дочерью
Короля.

1978

* * *

В осеннее утро нырну, как в холодную воду,
И буду глядеть, поднимаясь на гребень волны:
Багряным потоком, нащупавшим брешь на свободу,
Течет виноград через край танаисской стены.

Я сделаю шаг и, как будто наткнувшись на камень,
На воздух наткнуся, что, как льдинка, и хрупок и чист.
У рва городского я трогаю воздух руками,
Который застывшей слезою накрыл Танаис.

1984

* * *

Здесь, под высоким небом Танаиса
Я ехал в Крым, расстроен и рассеян,
И сам не свой из-за какой-то дуры,
И у друзей на день остановился,
И дом купил, и огород засеял,
И на подворье запестрели куры.
Здесь, под спокойным небом Танаиса,
Я перестал жить чувством и моментом –
Я больше никуда не порывался,
Я больше никогда не торопился,
Возился с глиной, камнем и цементом
И на зиму приготавливал запасы.
Здесь, под античным небом Танаиса,
Зимой гостили у меня Гораций,
Гомер, Овидий, Геродот, а летом
Родные и приятели: актрисы,
Писатели каких-то диссертаций,
Изгнанники, скитальцы и поэты.
Здесь, под ненастным небом Танаиса,
Сначала долго, нестерпимо долго
Терпел я недороды, но в награду
Однажды все рассады принялись, и...
Взошла любовь, Отчизна, чувство долга,
И, наконец, душа, которой рады.
Здесь, под бездонным небом Танаиса,

Перед собой я больше не виновен
В том, что люблю мышление и свободу:
Вот дом стоит, в котором я родился,
Вот кладбище, где буду похоронен, –
Всего минут пятнадцать ходу.

1985

* * *

Что толку от того, что мы сильнее?
Еще не устранились из игры
Деревья, пауки, стрекозы, змеи,
Кузнечики, собаки, комары,

Жуки, трава... Когда б себе позволил,
То так и продолжал бы без запинки,
Наверно, не назвав и сотой доли
Того, что я увидел вдоль тропинки.

Сейчас я поднимусь по косогору
И задохнусь от запахов и гула,
И – ничего о том, что здесь был город, –
Степь, словно рану, город затянула.

Пусть нас слышней и на земле, и в небе,
Но, как мы ни грохочем, через миг
Вновь слышатся сплошной широкий щебет
И копошенье шорохов живых.

Когда проходят юные народы,
Пустыни остаются за спиной.
Горит твоя великая природа,
Горит... неопалимой купиной.

1987

ХИЖИНА ПОД КАМЫШОВОЙ КРЫШЕЙ

1

Мы шли по степи перевозданной и дикой,
Хранящей следы промелькнувших династий,
И каждый бессмертник был нежной уликой,
Тебя каждый миг уличающей в счастье.

Мы были во власти того состоянья,
Столь полного светлой и радостной мукой,
Когда даже взгляд отвести – расставанье,
И руки разнять нам казалось разлукой.

Повсюду блестели склоненные спины
Студентов, пытавшихся в скудном наследстве
Веков отыскать среди пепла и глины
Причины минувших печалей и бедствий.

Так было тепло и так пахло повсюду
Полынью, шалфеем, ночью фиалкой,
Что прошлых веков занесенную груду
Нам не было жалко.

Как много разбросано нами по тропам
Улыбок и милых твоих междометий.
Я руку тебе подавал из раскопа,
И ты к ней тянулась сквозь двадцать столетий.

Но день пролетел скакуном ошалелым,
И смолк наш палаточный лагерь охрипший,
И я занавешивал спальником белым
Вход в хижину под камышовой крышей.

И стало темно в этом доме без окон,
Лишь в своде чуть теплилась дырка сквозная.
– В таких жили скифы?
– В них жили меоты.
– А кто они были такие?
– Не знаю.

Костер приподнял свои пестрые пики,
А дым потянулся к отверстию в крыше,
По глине забегали алые блики,
И хижина стала просторней и выше.

В ней было высоко и пусто, как в храме,
Потрескивал хворост, и стало так тихо,
Что слышалось слабое эхо дыханий
И сердцебиений неразбериха.

Для хижины этой двоих было мало,
Она постоянно жила искушеньем
Вместить целый род. Ей сейчас не хватало
Старух и детей, суеты, копошенья...

И каждый из нас вдруг почувствовал кожей
Старинного быта незримые пути,
Но все это было уже не похоже
На то, как мы жили до этой минуты.

Недолго вечернее длилось затишье –
Все небо, бескрайнюю дельту и хутор
Высокая круглая мощная крыша
Вбирала воронкой, вещала, как рупор.

На глиняном ложе снимая одежды,
Мы даже забыли на миг друг о друге,
И чувства, еще не знакомые прежде,
Читал я в растерянном взгляде подруги.

И ночью, когда мы привыкли к звучанью
Цикадных хоров и хоров соловьиных,
Мы счастливы были такою печалью,
Какую узнаешь лишь здесь, на руинах.

3

– Родная, ведь скоро мы станем с тобою –
Легчайшего праха мельчайшие крохи –
Простою прослойкой культурного слоя
Такого-то века, такой-то эпохи».

– Любимый, не надо, все мысли об этом
Всегда лишь болезненны и бесполезны.
И так я сейчас, этим взбалмошным летом,
Все время – как будто на краешке бездны».

«Родная...». В распахнутом взоре незрячем
Удвоенный отсвет небесной пучины.
«Родная...». Ее поцелуи и плачи
Уже от отчаянья неотличимы.

4

Мы были уже возле самого края,
И жить оставалось ничтожную малость,
Стучали сердца, все вокруг заглушая,
И время свистело, а ночь не кончалась.

Казалось, что небо над нами смеется
И смотрит в дыру, предвкушая возмездье.
И в этом зрачке, в этом черном колодце
Мерцали и медленно плыли созвездья.

И мы понимали, сплетаясь в объятьях,
Сливаясь в признаньях нелепых и нежных,
Всю временность глиняных этих кроватей
И всю безнадежность объятий железных.

5

Нам счастье казалось уже невозможным,
Но что-то случилось – тревога угасла,
Но мы с тобой были уже не похожи
На тех, кем мы были до этого часа.

Пока ты разгадку в созвездьях искала
Слепыми от чувств и раздумий глазами,
Разгадка вослед за слезой ускользала
К губам и щекам и жила осязаньем.

И я, просыпаясь и вновь засыпая,
Границу терял меж собой и тобою,
И слезы губами со щек собирая,
Я думал: откуда вдруг столько покоя?

Что это – всего только новая прихоть
Глядящей в упор обезумевшей ночи,
Иль это душа, отыскавшая выход,
Разгадку сознанию поведать не хочет?

Но, даже душою с тобой обменявшись,
Мы все ж не сумели на это ответить.
Два юных смятенья уснули, обнявшись,
Спокойны как боги, бессмертны как дети.

1986

* * *

Нам некогда за город – суета,
Но все же видно – осень наступила:
В ларьках уже подогревают пиво
И меж домов зияет пустота.
Ростов сегодня светел и печален,
И мы почти невольно отмечаем,
Что человек, курящий у лотка,
Старик, который тихо денег просит,
Шофер у своего грузовика,
И почтальон, что пенсии разносит,
И женщина, что вам кричит: «Пока!»,
И мамина увядшая рука
Напоминают осень.

1978

ЗАКАТ

Смываю глину и сажусь за стол,
За свой рабочий стол возле окна.
Блестит Азов, а розовый Ростов
По краю быстро схватывает тьма.

Светило плавит таганрогский мол
И расстиляет алую кайму.
Ростов в огнях, а розовый Азов
Через минуту отойдет во тьму.

Еще блестят верхушки тополей,
Но их свеченье близится к концу.
С последней зыбкой кучкою теней
Плывет баркас по Мертвому Донцу.

Смыкает мрак широкое кольцо,
В котором гаснет слабый отблеск дня,
И вот мое спокойное лицо
Глядит из черных стекол на меня.

1984

* * *

Приехали гости – пойду зарублю петуха.
В таз рухнет осенний букет, перепачканный кровью.
Я сплуну с досады, ругнусь, чтоб никто не слышал,
И к речке сойду по тропе, занесенной листвою.

Неужто навеки жизнь будет не *жизнь*, а – **живот**?
Я вновь задохнусь от внезапно нахлынувшей злобы:
Неужто наш дух никогда эту цепь не порвет,
Которой он связан, как пес, с конурою утробы? <...>

И трону я травы рукою и вновь удивлюсь,
Что в мяте и доннике сердце стучит молодое,
И если ты скажешь, что это мой собственный пульс,
Отвечу: «Конечно». Но мне станет скучно с тобою.

1984

* * *

У гадючьих камней заалела эфедра,
Влажный воздух так свеж, будто только рожден,
Тяжко дышит земля – в сокровенные недра
Вскрыты поры – все дышит прошедшим дождем.

Вкруг цветов и деревьев упругие глыбы
Теплых запахов – глыбы висят и дрожат,
И мне страшно от мысли, что мы ведь могли бы
Не прийти в этот светлый сверкающий сад.

Разве мог догадаться я сумрачным утром
В наших дрызгах, взаимных обидах, что днем
Будет воздух гореть сквозь пары перламутром
И глаза разгораться веселым огнем.

Я забыл, что я был пессимист и придира,
И невольно к душе подступает сейчас
Ощущенье Великой Гармонии мира,
На меня нисходившее несколько раз.

1985

ПОЖАР

Вот недолгой отлучки цена:
У дверей – обгоревшая свалка...
Стены целы, и крыша цела,
Но внутри... Ах, как жалко! Так жалко,
Словно я потерял средь огня
Дорогого душе человека.
В этой кухне была у меня
Мастерская и библиотека.
Всюду лужи, развалы золы,
И лишь книги одни уцелели:
Плотно стиснуты, словно стволы,
Только вдоль по коре обгорели.
Вещи сгнули или спеклись,
Как забытые в печке ковриги,
Потолок прогорел и провис,
Но не рухнул – оперся на книги.
Черт с ней, с кухней, ведь я не о том,
Речь идет о задаче поэта:
Этот мир с виду прочен, как дом,
Но внутри... Ты ведь чувствуешь это.
Этот запах притих в проводах
И в никчемных пустых разговорах,
И в провисших сырых небесах,
И в глазах чьих-то серых, как порох.
Пламя только тает, оно
Ждет момент, когда б мы приумолкли.
Этот мир уже б рухнул давно –
Его держат книжные полки.

1984

* * *

Осень реку покрыла своим стрекозиным крылом,
И на комьях земли появились значки слюдяные,
И собаки стоят на кургане и, как неродные,
Смотрят вскользь, озираются, рыщут с поджатым
хвостом.

Где последний кузнечик последнюю очередь бьет
По остывшим камням, по мишеням пустой паутины,
Я тревожно брожу и веду нескончаемый счет
Всем потерям земли, в первый раз так открыто
любимой.

Жгут листву, и под ноги мне стелется дым.
Пролетит электричка, отпрянет с тропинки сорока,
И на всем ощущенье уже подступившей беды.
Я был часто один, но мне не было так одиноко.

...Выбью двери ногой, но не сразу войду в этот дом,
Где на всем еще отзвук былого веселья и смеха.
Разожгу самовар, поиграю с приبلудным котом,
Соберу чемодан. И пойму, что мне некуда ехать.

1983

* * *

Почему-то теперь вечера
Так протяжно, так ярко сгорают,
Что мне кажется – это игра
В то, что кто-то из нас умирает.

Я с друзьями смотрю на закат
С небольшого моста, и у многих
Я ловлю этот пристальный взгляд,
Полный скрытой тоски и тревоги.

Вся долина предчувствий полна,
И все ерики, рощи, селенья
Вновь под вечер накрыла волна
Непонятного оцепененья.

«Это чушь», – сам себе я твержу,
Но опять на друзей и на реки
Я спокойно и долго гляжу,
Словно силясь запомнить навеки.

1984

* * *

Мы бревна сгружали однажды
В одном заполярном порту,
И было мне тяжело до жажды,
До привкуса крови во рту.
И чтобы нести было легче,
Представил: несу я ее,
Она обняла мои плечи,
Лепечет про что-то свое,
И речи ее означали,
Что любит, что верит и ждет...
А издали громко кричали:
– Куда ты пошел, идиот?

1980

* * *

– Ты зачем стал лодку мастерить?
Не для старика простор морей.

– Видишь ли, я собираюсь плыть,
ну а плыть надежней на своей.

– Но она утонет через миг,
ты не увезешь в ней никого.

– Видишь ли, она не на двоих,
видишь ли, она на одного.

– Но ее ведь сразу захлестнет
и утопит первая волна.

– Видишь ли, она не поплывет,
эта лодка плыть и не должна.

– Это мачта, что ли, не поймешь...
Я не дам на парус полотна.

– Ничего, ты парус мне сплетишь
из цветов и листьев, не из льна.

1984

* * *

Можно лишь повторить – ничего невозможно понять.
Я верчу эти вещи с печальным, упрятанным смехом:
Археолог грядущий вот так же начнет примерять
Наши мысли, надежды, любви – и с тем же успехом.

Все, что делали вы – посвящалось великим богам,
В то, что делаем мы – посвящались немногие люди.
Эти вещи – лишь выкрик: Мы были! – другим берегам,
Нет, длиннее, – с добавкою детской:

Мы больше не будем...

1989

* * *

Жить одиноко и неинтересно,
Платить ценою каждой божьей ночи
За никому не нужных восемь строчек.
Такой ценою покупать безвестность?
Но встало солнце, осветило травы
И в пять минут переменяло местность,
И я благодарил судьбу за право
Такой ценою покупать безвестность.

1983

* * *

... А наутро проснешься, на улицу выйдешь
В этот мир, что едва начинает светать,
И куда ни помотришь – отчетливо видишь
Руку мастера. Как мне ее не узнать?
Мне знаком этот страх, и восторг, и смятенье,
Та неделя без сна, где сознание творит
До конца, до беспамьятства, до исступленья...
Но очнешься и взглянешь: мир чудный стоит.

1983

* * *

В мире осень,
и каждый сорвавшийся плод
нужно сперва расслышать,
чтобы потом раскушать.
У детства должен быть очень маленьким рот
и очень большими уши.

1990

О БОЛИ

Легко я пережил доносы,
легко похоронил отца,
и перекрестные допросы
перетерпел я слегонца,
и не терял я эти губы,
пьянящие, как алкоголь,
но у меня болели зубы.
Я знаю, что такое боль.

1997

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВО СНЕ

Есть нежеланье жить и есть желанье смерти –
И это вещи разные, поверьте.

1998

* * *

Сегодня так часто срываются звезды,
Что даже о космос нельзя опереться,
Там будто бы чиркают спичкой нервозно,
А спичка не может никак разгореться.

И полночи этой ничто не осветит,
Ничто не рассеет во мне раздраженья,
Никто на вопросы мои не ответит,
И нет утешенья.

Во мне все противится жить по указке
Провидцев, сколь добрых, настолько лукавых,
Душа не поверит в наивные сказки,
Что в детях она повторится и в травах.

И в мире прекраснейшем, но жутковатом,
Где может последним стать каждый твой выдох,
Она не живет – ожидает расплаты,
И нужно ей не утешенье, а – выход.

Но кто мне подскажет, куда мне бежать
От жизни, от жил, разрываемых кровью,
От женья, которого мне не унять
Ни счастьем, ни славой, ни женской любовью.

Ведь я уже связан, уже погружен
В сумятицу судеб. Меня научили,
Как рушить и строить, как лезть на рожон,
И я забываюсь и радуюсь силе.

Лишь ночью, мучительной и сокровенной,
Я вижу, сколь призрачна эта свобода,
И горестно плачу над жизнью мгновенной,
Несущейся, словно звезда с небосвода.

Сейчас промелькнет! Я сейчас загадаю,
Ведь должен хотя бы однажды успеть я...
Сверкнула! И снова я не успеваю
Сказать это длинное слово: бессмертье!

1985

ВОСПОМИНАНИЕ О СТАРШЕМ БРАТЕ

Он спал тяжело, и проснулся лишь перед обедом,
И горло потрогал, когда стал пиджак надевать,
И бабка сказала: "А ну-ка беги за ним следом,
А то на душе беспокойно мне – вдруг он опять..."
Он центр обошел в третий раз и во встречные лица
Глядел напряженно, и было понятно без слов,
Что взглядом своим он все ищет, за что зацепиться,
Но взгляд все скользил, и его все несло и несло.
Когда же он вышел на станцию и, папироску
Спросив у прохожего, жадно ее закурил,
Я больше не выдержал – выбежал из-за киоска,
И с криком помчался, и ноги его обхватил.
Он часто дышал и все ждал, когда я успокоюсь,
Дрожащей рукою меня прижимая к груди.
"Ты что разорался?"
"Я думал, ты прыгнешь под поезд".
"Ну что ты, братишка... уже все прошло... ты иди".

1984

ПОРЫВ ВЕТРА

Первый порыв после утренней зорьки
Поднял волну и ударил по травам,
Был он настолько холодным и горьким,
Словно пропах пролетевшим составом.
Словно вослед за архангельским скорым
С Белого моря по белой равнине
Он проструился стальным коридором
Горькою весточкой, ласточкой зимней.
И просочились прозрачным тоннелем
Первые усики будущей вьюги,
Вмиг оплетая стволы и колени
И разметая листву по округе.
Листья кружат, и, наверно, с листвою
Ветер к калитке прибил телеграмму.
Вот я сейчас подниму и открою.
Господи, что же там: бабушка? мама?

1985

* * *

Работа, выпивка, семья –
Вот круг, в котором заперт я,
Да и тебе скажу, мой друг,
Не выходи за этот круг.
Вне круга та же кутерьма –
Психушка, КГБ, тюрьма.

1982

ИЗ ВАСИЛИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Я бродил среди диких скал,
Вдалеке от любимых рож –
Я не то что от них устал –
Просто слишком на них похож, –

И глядел на морской прибор,
И молился за них за всех –
Я беседовал сам с собой,
Обращаясь куда-то вверх.

Но в счастливой своей тоске
Не один я бродил, о нет! –
За спиною в морском песке
Различал я мельчайший след,

И на каждый ответ немой,
Говоря и ступая в такт,
Собеседник незримый мой
Улыбался: все так, все так.

И упала завеса чар,
И раздался беззвучный гром:
Только истины теплый шар
Окружал нас со всех сторон.

Но непрочен был мой улов:
Мир ворвался одним броском –
Лишь одна полоса следов
За спиною в песке морском,

Лишь громадины черных скал
И накаты седых валов –
Только мира немой оскал
И *одна* полоса следов.

Безутешен был мой упрек:
– Тот, кто должен быть всех нежней,

Почему же Ты так жесток
В миг, когда Ты всего нужней?

Если все разлетелось в прах,
Если сердца разрушен дом,
И один лишь крошечный страх
В мире странном и нежилом –

О, верни нас в свои сады!
И услышал я в облаках:
– Тише, это Мои следы.
Я несу тебя на руках.

1998

НАПУТСТВИЕ ТОМУ, ЧТО УШЕЛ ИЗ ДОМУ,
В НАЗИДАНЬЕ ТОМУ, КТО ОСТАЛСЯ В ДОМУ

Юноша прекрасный
Покидает дом,
А вокруг ужасный
Мир стоит вверх дном.

Юноша прекрасный,
Не пускайся в путь,
Замысел напрасный –
Мир перевернуть.

С юною замашкой
Вздумал глупый Том
Ставить вниз тормашкой
То, что кверху дном.

Это дело глухо,
Лучше не лукавь,
Шлюха будет шлюхой,
Как ее ни ставь,

Пуля будет пулей...
Как там ни крути,
Поджидает дуля
На любом пути.

Все архипелаги,
Словно напоказ,
Поспускали флаги
С рей – да в унитаз.

В этом мире скверном
Ждет тебя одно:
Грязная таверна,
Кислое вино.

Возвратись, упрямый,
К дому, где в слезах
Ждет старушка-мама,
Стоя на ушах.

* * *

Н. З.

Есть искус, и ты его знаешь, и я говорю:
Не стоит ему поддаваться, ведь может случиться,
Что это ловушка – окно распахнуть февралю,
Когда он в него постучится продрогшею птицей.
Простая уловка, а ты ведь уже не вольна
Душе запретить потаенную слежку и сверку:
Смотри-ка: чуть станет мне плохо – и тотчас она
Закатит глаза и повалится лапками кверху.
Вот странно!
А это не странно, а это – силоч.
Подкинутый искус душе – примерять парадигму,
Вот так Анна Павлова долго глядит на цветок
И вдруг произносит "Умрет он – я тоже погибну".
И все, и капкан. Паутина уже напряглась,
И сила слепая незримые тянет тенета:
Меж танцем и цветом налажена прочная связь,
И время цветка направляет пуанты полета.
А если душа потаенна, добра и нежна,
Тем больше найдется охотников смять, поживиться,
Хотя бы – дотронуться, да и самой ей нужна
Зацепка, опора – пусть розовый куст, пусть синица.
Но это приманка: щебечущий пестрый клубок,
В котором и жизни – на месяц. Зачем эфемеры,
Когда иммортели усеяли Юг и Восток?
Есть пляжи любви,
        есть приливы надежды,
                созвездия веры.

1988

АГАМЕМНОН – АХИЛЛУ

Слушай, старик, да не брал я твою Бриссеиду!
Город не взят, и до женщин ли мне, предводителю ратей?
Вряд ли богиня воспеть пожелает твой гнев и обиду,
Ибо обиды твоей я не видывал придурковатей.
То, что отнять захочу, защищать-то без толку,
А не беру, так на кой тогда черт тебе бегать?
Благо Афина пока еще держит за холку,
Ну, как отпустит? И что мне тогда с тобой делать?
Тот, кто над жизнью не чувствует скрежет скрижалей,
Тот беззащитней в ней, нежели здесь, на бумаге.
Нет, окунув, тебя все-таки передержали,
Некой болезни кессонной добавив к броне и отваге.
Что ты, как тот сикофант, кагебистишь за мною?
Ясно же – целят в меня и всегда попадают... в реестры.
И без тебя мне довольно забот за стеной крепостною,
Дома ж хватает гадуки моей, Клитемнестры.

ПИСЬМО В ГОРОД

Внучка за бабу, а бабу за деду,
Так и живет круговая порука...
Да ведь иначе не вытянуть репку –
Сын за отца, как и правнук – за внука.

И не дай бог здесь какого зазора –
Сразу урок получаешь жестокий:
Где мне укрыться теперь от позора? –
Метр П... разбирал мои строки.

Что же – спиваясь, бродить по знакомым?
Гнить в Танаисе, куда мы сбежали?
Сколько же можно ссылать себя в Томы?
В Томы, и в Иры, и в Оли, и в Гали?

Что ж – эмигрировать в древние страны?
Прячась за ветхие латы латыни,
Словно Назон, лебезить пред тираном
Или усердно служить, словно Плиний?

Иль, удалившись от дел, как Саллюстий,
В грязном белье Катилины копать?
Да лучше мне удавиться на люстре,
Лучше листа никогда не касаться!

Речь отпихнуть на потраву шакалам,
Ретироваться привычных затрецин!
Я понимаю, что вас было мало, –
Нас ещё меньше!

Эти любители делать хинкали
Нас ни о чем уже даже не спросят;
Если в щепоть ваши губы сжимали –
Нам не дадут уже рта открыть вовсе.

Вам (а поэтов в пределах Ростова
Встретить других мне удастся едва ли)
Было доверено русское слово –
Было, и вы его не отстояли.

Дело ж не в репке, а в долгой цепочке
Тянущих эту державную репку.
Вас выбивают поодиночке,
Словно у нас из-под ног табуретку.

1985

* * *

В полутора метрах под уровнем улиц,
В подвалах, пропахших печною золой,
Когда мы к полуночным строчкам нагнулись,
Нас нет на земле – мы уже под землей.

Вмурованный в дымный, закрученный кокон,
Вращается быт – он убог и бесправен,
Пронзенный лучами из вкопанных окон,
Сквозь щели навеки затворенных ставен.

Друзья постучатся носочком ботинка –
Так пробуют – жив ли? – устав избивать.
"А ну, откупоривайся, сардинка,
Слыхал, потеплело, туды ж твою мать!"

И правда теплее, а мы и не ждали,
А мы и не верили, мы и не знали,
Пока пировали в кромешном подвале,
Пока к нам о стены гроба ударяли.

Как мы преуспели в печальном искусстве –
Под время попасть, под статью и под дуло,
Но мы оптимисты – из мрачных предчувствий
Пока ни одно еще не обмануло.

Вы видели это, вы помните это:
И холод зимы, и поземку измены,
А мы выходили, прищурясь от света,
Из жизнеубежищ на светлые сцены.

И я не забуду, как нас принимали,
Как вдруг оживали застывшие лица,
И делалось жарко в нетопленном зале,
И нужно идти, а куда расходиться?

Ведь всюду огромные серые залы,
Где говор приглушен, а воздух сгущен,
Где в самом углу за прилизанным малым
Есть двери с табличкою: "Вход воспрещен".

Я знал эти дверцы в подземные царства,
Где, матовой мглою касаясь лица,
Вращаясь, шипят жернова государства,
В мельчайшую пыль превращая сердца.

1986

ИЗ ЯПОНСКИХ СТИХОВ

Домой возвратился –
Гулять без ножа выхожу.

* * *

То ли пепс**И**кола перепилась,
То ли кок**а**кола перестоялась,
То ли времен неразрывная связь
Вся зафакьюкалась и разорвалась.
В поле ни зяблика, ни ветерка,
Хлопает деточка веками Вия...
– Как называется эта река?
– Вялотекущая шизофрения.

1992

ЮВЕНИЛЬНЫЙ РОМАНС

Соавторам: Оле, Гоше, Сереже.

Порвались перепонки на крыльях,
Затупились на клюве клыки,
И уже не хватает усилья
Пролететь вдоль родимой реки.

На гнезде из хвощей и азалий
Я уже не дождусь ледника,
Я хочу, чтобы мне рассказали,
Как навеки застынет река.

Я – последний летающий ящер,
Свистом крыльев будил мезозой,
Я останусь в поре уходящей
Известковой слоистой слезой.

И когда снова речка растает,
Разодрав исторический мох,
Пусть слезу, словно книгу, листает
Птеродактиль грядущих эпох.

Пусть прочтут они, как мы любили,
Как лились наши песни с небес.
О, Великое племя рептилий!
О, наш каменноугольный лес!

Мне мечтать и надеяться поздно,
Но я должен грядущему спеть,
Как случилось рожденному ползать
Над своею эпохой взлететь.

Я последний летающий ящер,
Свистом крыльев будил мезозой
И останусь в веках уходящих
Силурийской горячей слезой.

1989

БОББИ-ДЖОН

Импровизация на пишущей машинке

Бобби-Джон – лихой ковбой
И разбойник удалой,
Бобби-Джон сбежал из прерий
В Гваделупу – на разбой.

В Гваделупе жизнь плоха,
Там корова, что блоха,
Там повсюду запах мерзкий,
Даже замок королевский –
Все равно, что наш сортир.
Бобби-Джон там строит тир.

Тир, но тир наоборот –
Боб стреляет, Джон орет,
И из тира выбегает
Недострелянный народ.

Гваделупский высший суд
Порешил: готовить суп
И сварить в нем Бобби-Джона,
Пидорюгу и пижона,
С добавленьем разных круп –
Суп во славу Гваделуп!

Гваделупские войска
Достают из-под песка
Всеразличные гранаты
И от пушки два куска.

Бобби-Джон преображен,
Вдалеке от белых жен
Он поглажен и подстрижен
И слегка вооружен.

На коленях Бобби-Джона
Спит винчестер заряжённый,
По лицу его гуляет
Беспросветная тоска,
Идиотская улыбка
И сосиски два куска.

Гваделупский генерал
«К бою!» – дико заорал
И с копьем на босу ногу
По саванне поскакал.

Тут поднялся страшный вой:
Миллионною гурьбой
Армия подходит к тиру,
Где спокойно спит ковбой,
Прислонившийся к перилам
Залихватской головой,
Спит с улыбкой половой.

Бобби-Джона страшный шум
Пробудил от сладких дум,
Наш ковбой свалился на пол
И стреляет наобум.
Он стреляет наугад,
Убивая всех подряд:
Попугаев и колибри,
Офицеров и солдат.
Всюду стоны, крики, мат.

Гваделупцы заряжают
Самый страшный аппарат,
Строят длинный коридор:
Тут – забор и здесь – забор,
Направляя узкий выход
Прямо Джону в лоб, в упор,
И, прицелившись немного,
В эти длинные ворота
Заряжают носорога
Или даже бегемота,

Мажут носорогов зад
И горчицей, и аджикой,
Перцем, хреном, всем подряд.
Носорог орет, как бык,
Испускает смертный рык
И летит с истошным криком
Коридором, напрямик.

Бобби шепчет: «О мой бог!»
Джон как будто бы продрог,
Он от ужаса трясется
От макушки и до ног,
А к нему вовсю несется
С острым рогом носорог.

Диким ужасом объятый,
Джон достал 709-й
Кольт и, плюнув на судьбу,
Направляет в носорога
Дуло толщиной в трубу.

Носорог ужасно близко,
На носу его записка:
«ЩАС ТЫ СДОХНИШ БОББИДЖОН
ПИДОРЮГА И ПИЖОН!»

Носорог ужасно близко,
Бобби целится в записку,
С диким ужасом в глазах
Бобби делает: бабах!

Носорог и не зафыркал –
В нем насквозь большая дырка,
И сквозь дырку видит Джон:
У начала коридора
Веселится злая свора
И предчувствует бульон.

В дырке, словно для обзора,
Не скрывается от взора,
Как летит большая пуля,
Разметая эту свору
У начала коридора.

Бобби-Джон лежит, трясется,
С дыркой носорог несется,
И ни влево, и ни вправо:
Тут – забор, а там орава,
И когда наш бегемот
Подбежал уже вплотную,
Бобби прыгнул вслед за пулей
Прямо в дырку, прямо в рот.

Дырка велика, но сквозь
Пролететь не удалось.

Бобби в носороге мчится,
Чуя на щеках горчицу,
Он торчит из бегемота
Там, где раньше было что-то.
На щеках у Джона плач,
Носорог несется вскачь,
Уплывают по пампасам
Море крови, куча мяса,
И мелькают города,
Поселенья, горы, реки,
Океаны, человеки,
Отрастает борода...

Фу, какая ерунда!

Через месяц носорог
Вроде как бы и прилег,
Носорога Джон покинул
И увидел василек!

Бобби-Джон кричит, хохочет –
Василек знакомый очень,
В наших прериях родных
До фи́га и больше их!

Вон огромные бизоны,
Вон знакомые пижоны,
Здравствуй, здравствуй,
Скво родная!
Джон целует, обнимая
Домик свой, притон свой злочный.
Джон – разбойник неудачный,
Но удачливый ковбой –

Бобби-Джон пришел домой!

1984

ЦАРЬ НОВОКАЛЕДОНСКИЙ

Однажды вождь, король, монарх, царь Новокаледонский
Решил напялить, натянуть, надеть колпак японский,
И он помчался, полетел, поехал и понесся,
Пошел, попрыгал, поскакал, погнал, пополз, поплелся
И потянулся он рукой к своей шкатулке царской
Да как пихнет ее ногой,
Затылком, шеей, головой,
Зубами, пяткой и спиной!
И саблю гусарской!

Потом поддел ее плечом,
Рукою, ломом, кирпичом,
Подъемным краном и ключом,
И пальцем безымянным,
Щекою, локтем и бедром, гранатой, тронем и ведром,
Ключицей, грудью и ребром, и ножиком карманным.

И вот – открылась! Отошла!
Чуть-чуть приподнялась,
Расщелилась, раздრაилась
И – бац! – оторвалась!
Перевернулась, взорвалась
И отлетела крышка,
И из шкатулки вылез кот, корова, мамонт, кашалот,
Дельфин, гадюка, вертолет, собака, швабра, бегемот
И маленькая мышка.

И стал король своей рукой в своей шкатулке рыться,
Ручищей шарить и шнырять, водить, шуршать,
приподнимать,
Исследовать и проверять, вертеться и крутиться,
Ручищами швырять и рвать,
Скрести и ерзать,
Рыть и мять,
Метать, терзать, перебирать, нырять и копошиться.

И вот наткнулся, наконец!
Нашел!
Схватил!
Дорвался!
Обнял, нащупал, развернул, увидел, впился, потянул,
Зацапал!
Докопался!
И вытащил он, наконец!

Заплакал вождь, запел отец,
Монарх, король и огурец, царь Новокаледонский,
И нахлобучил, натянул, напялил, прикрепил, наткнул,
Надел колпак японский.

1982

ЛЕТАРГИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Я сегодня рано встал.
Встал и сразу же устал.
И тогда я лег в кровать,
Чтоб еще чуть-чуть поспать.
Я еще чуть-чуть поспал
И совсем уже проснулся,
Улыбнулся, потянулся,
Бодро встал и вдруг устал.
И опять в постель вернулся.

Я проспал почти до ночи,
Голова моя трещала,
Встал, но сразу так устал,
Что решил начать сначала.
Только что-то мне не спится,
Отвлекает все подряд:
Дождь стучит по черепице,
Мышь скребет под половицей,
И часы всюду стучат.

Вспомнил! Чтоб заснуть опять,
Надо про себя считать!
1, 2, 3, 4, 5,
6, 7, 8, 9, 10
(Стали петухи кричать,
За окном тускнеет месяц),
220, 230...
(Вот уже запели птицы),
10800
(Вот и солнышко встает),
И на счете 1 000 000
Наконец явился сон.

День проспал, а ночью встал.
Встал и сразу зарыдал,
А потом я рвал подушку,
Бил кровать о раскладушку,

Раскладушку о кровать
И устал, и лег поспать.
Про себя сказал я: «Раз»...
И уснул на этот раз.

Ночь проспал, а утром встал.
Встал и... вроде все нормально!
Как прекрасно! Гениально!
Как я уставать устал.
Я умылся, причесался,
С гирей долго занимался,
Вдруг я тихо застонал:
Это ж сколько я проспал?
Три зачета, курсовую,
Монографию большую,
А свиданок! Репетиций!
Можно сразу удавиться!

На постель тогда я лег
И проспал еще денек.
А потом лежал и думал:
Вот на кафедру иду, мол,
Защищаю курсовую,
Монографию большую,
На свиданки успеваю,
Жизнь по новой начинаю!
И ТОГДА Я РЕЗКО ВСТАЛ!
Встал... и сразу же упал –
Я ж не ел и отощал.
На постель едва взобрался
И пять дней не просыпался.

Вот проснулся, глядь – зима!
Может, встанем? – ни хрена!
Люди встать меня просили,
Умоляли, угрожали,
Поднимали, но устали,
А потом совсем забыли,
А потом похоронили.

И проснулся я в гробу,
Встать хотел – синяк на лбу.
И тогда я испугался,
А потом и ужаснулся:
Это что ж я разоспался?
Наконец-то я проснулся!
Гроб сломал, на землю встал.

Встал и сразу же устал.

1979

С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Мать сына провожала в путь
И говорила: «Не забудь,
Я жду тебя в родимый дом
Иль на щите, иль со щитом».
Но засосала нищета,
И он вернулся без шита.

1976

* * *

На меня вонючка села,
Навоняла – улетела.
Что мне делать, я не знаю:
Вот сижу теперь, воняю...

1997

* * *

За малиновым кустом
Бродит девушка с глистом –
Выбросить куда не знает,
Спрятать под каким листом.

А над Клязьмою-рекой
Ходит парень – никакой,
Ищет девушку – пропала, –
Ветки разводя рукой.

А над ними Бог летит,
Он семью создать желает,
А по сути – сам не знает,
Что он, собственно, хочет.

1997

* * *

Я не стал жевать желе –
Я желе жалел.
Я послал желе Леже,
Чтоб Леже жирел.
А Леже желе погладил
По поверхности по гладкой,
А потом в него нагадил
По потребности по гадкой.

1984

* * *

...И вот этим мудакам
Подарили "Бетакам" –
Так они весь день снимали,
Как ебется таракан!

1995

АПОФАТИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

Да, жэушник из него не вышел!
Сторожа не вышло из него,
И поэта из него не вышло,
И вообще не вышло ничего.

Монтировщик из него не вышел,
Даже сын не вышел из него,
Безработный из него не вышел,
И вообще не вышло ничего.

И любовник из него не вышел,
Муж совсем не вышел из него,
А отец тем более не вышел,
И вообще не вышло ничего.

Алкоголик из него не вышел,
Наркоман не вышел из него,
Сумасшедший из него не вышел,
И вообще не вышло ничего.

Алиментщик из него не вышел,
И стукач не вышел из него,
Комсомольца из него не вышло,
И вообще не вышло ничего.

Мы стучались в этого мудилу
Что есть сил и даже сверх того –
Ничего пока не выходило.
Может, в нем и нету ничего?

1 ноября 1987

* * *

У бандита из ушей
Выскочило десять вшей,
Почесали гаду брюхо
И залезли снова в ухо.
Вот ответ на ваш вопрос:
Что такое симбиоз?

1988

* * *

Вот цыпленок неоципаный
С головою неотрубленной,
С ножечками неотрезанными
И с кишочками невынутыми,
Необмытый, необсмаленный,
Невареный, необжаренный,
С ярко-красным гребешком –
Сам ко мне идет пешком.

1985

* * *

Его величество Количество
Забросило питаться начисто –
Не пожелало увеличиться,
Чтобы не превратиться в Качество.

1977

* * *

Я только раз посмотрел на меню...
В смерти своей никого не виню.

1997

* * *

Глядь-поглядь, и в самом деле:
По чуть-чуть, по еле-еле,
Но нет-нет, и больше. То-то!
Кто кого?
И за кого ты?
Ведь пока ни то, ни то,
Ведь пока что: или – или,
Мы, как раньше, жили-были,
А ведь знал же кое-кто,
Что еще чуть-чуть «тик-так», –
И услышишь ты: «Тук-тук»,
И воскликнешь ты: «Так-так,
Заходи-ка, милый друг!»
Глупо забегать вперед
И кричать: ура-ура!
Мы-то думали: вот-вот,
А оно – едва-едва.

1978

* * *

Мне видится чудесная картина:
Идет страна несметною толпой
И на знаменах – профиль Буратино,
А в уголочке – ключик золотой.

1989

* * *

...И Пушкин был бы депутатом!
А вот Есенин вряд ли б был –
Он разговаривает матом
С людьми, а любит лишь кобыл.
А Пушкин был бы! – он умеет
Любезным для народа быть,
Он с каждым годом мудренеет,
Растет! Да что тут говорить,
Сам Лихачев кандидатуру
Свою бы снял бы перед ним.
А вот Есенин порет дуру
И до конца не знает гимн!

декабрь 1989

* * *

Поэзия – стезя такого рода,
Что редко на нее глядят с почтеньем:
Когда певец выходит из народа,
Народ вздыхает с облегченьем.

1985

* * *

Где чувство осознанной необходимости?
Где ноги повышенной проходимости?
Где сильные руки, широкая грудь?
Скажите, их помнит еще кто-нибудь?
Где я молодой, куда все подевалось
За время, покуда она раздевалась?

1977

* * *

Когда мужик кого-то трахнет,
То от него изменой пахнет.
А раз не трахнул никого,
То водкой пахнет от него.

1996

* * *

Мир стал как-то очень утомителен,
Даже вот квартиру предложили в Злобино.
Раньше был я даже пьяным – удивительным,
А теперь и трезвым – не особенно.

1998

* * *

Во мне живут три человека:
Один – алкаш, другой – калека,
А тот – поэт, любовник, псих –
Сбежал. А пью я за троих.

1999

* * *

Старик, как мы не виделись давно!
Я только через годы расставанья
Вдруг осознал, какое ты говно –
Большое видится на расстоянье.

1985

* * *

Я памятник...

Я вас...

Я лиру...

Но как бы мне купить квартиру?

1996

* * *

Томик мой в шкафу стоит,
прямо в руки просится.
Жизнь твоя едва горит,
а моя – проносится!

Я хожу себе босой,
наслаждаюсь птичками.
Смерть придет к тебе с косой,
а ко мне – с косичками.

1990-е

ДЕТСКИЕ СТИХИ

* * *

Пожалейте, дети,
Жабу на диете –
Хочет съесть жука,
Да нельзя пока.

* * *

Папа в папахе
Поле попахивал,
Пони в попоне
Попой попахивал.

* * *

Жителям дома многоэтажного
Уже завезли тараканов на каждого.

* * *

Я овсянку всякую
Называю бякою:
Я такую дрянь не ем –
Я такую какою.

* * *

Ехал шах на ишаке,
Вёз шмеля на башмаке,
И шнурком от башмака
Щекотал шмель ишака.

* * *

У крысиной красоты
Недостаток есть – хвосты,
А у вас, красавица,
Мне и хвостик нравится.

* * *

Солдат вьетконга
Вблизи Меконга
Шаром понг-понга
Убил Кинг-Конга.

* * *

Эскимосы из кино
Выносили эскимо,
Не сосали, не кусали,
А на дальность в снег бросали.

* * *

Сыну я отнёс в детсад
Самодельный самокат,
А назад принёс потом
Сынодельный самослом.

* * *

Легели два долгоносика,
Устали и сели на песика,
И в шерсть провалились,
И в ней заблудились –
Три дня от хвоста шли до носика.

* * *

Я свою копилку
Спрятал в морозилку.
Где б найти чудовище –
Охранять сокровище?

* * *

Я в соседский туалет
Высыпаю дрожжи...
Попадет мне или нет,
Мы узнаем позже!

* * *

Говорят, в Казани раки
Днем устраивают драки:
Наберут на дне ломов
И ломами бьют сомов.

* * *

Повстречал я людоеда,
Шел он в поисках обеда.
Хорошо, я нес весло –
Только это и спасло.

Позже встретил я бандита,
Выглядел бандит сердито.
В этот раз меня спасла
Половинка от весла.

Наконец, я вышел к речке,
Шел на лодку по дощечке.
Папа крикнул: «Где весло?»
Только бегство и спасло.

* * *

Слон боится сокола —
Не летает около.

* * *

Непослушных пугал
В поле ставят в угол.

* * *

Идет в песках
Верблюды в носках,
Свистит в свистульку,
Везет сосульку.

* * *

Заезжал козел к нам в гости
И привез зачем-то гвозди.
Если б был козел не дикий,
Он привез бы нам гвоздики.

* * *

Муравей слона купал
И случайно в таз упал.
Слон спасти его бессилён,
Потому что он намылен.

* * *

Галки старого дрозда
Веселили из гнезда.
Совы галкам клюв набили
И дрозда назад вселили.

* * *

Миссисипский экскаватор
Яму в озере копал,
Миссисипский аллигатор
На него в воде напал!

Аллигатор искусал
Экскаватор в озере,
И его чинить забрал
Дядька на бульдозере.

* * *

Саблезубая овца
Испугала кузнеца –
На него она взглянула
Сквозь желе от холодца
Тусклым взглядом мертвеца.

* * *

Даже у послушных обезьян
Есть всегда какой-нибудь изъян.
Если обезьяна без изъяна,
Значит этот зверь – не обезьяна.

* * *

На дне растут растения,
На дне лежит песок.
Плыла тень нототении
По дну наискосок,
Навстречу – тень дельфинья,
Откуда ни возьмись!
Их тени, как две линии,
На дне пересеклись.
Качаются растения,
Кольшется вода...
Лишь тень от нототении
Исчезла навсегда.

* * *

Шестеро смышленных шахматистов
Утащили штангу у штангистов.

* * *

Жили на свете два серых слона.
Один слон был Он,
Другой слон – Она.
Часто, отстав от родимого стада,
Подолгу где-то они пропадали
Или стояли в молчании рядом...
Чтобы найти их, все долго кричали.
И на опушке они появлялись
И виновато вдвоем улыбались.
Парня (слона) не особо любили,
Но у него были крепкие бивни,
А на нее восхищенно глядели
И потому, как умели, жалели.
Ну, а она ни о чем не жалела,
Ибо блаженной болезнью болела.
И потекло у них все, как по Нилу,
Зажили просто, и дружно, и мило
В неторопливой своей суете,
Думая лишь о еде и дите.
Лишь иногда она вдруг вспоминала,
Как его первый букетик жевала:
Был он из листьев составлен искусно –
Так необычно, и странно, и вкусно.

1977

ПИР

Заиграют когда-нибудь легкие флейты,
Люди сложат песни о нашей жизни,
И пространство ляжет в легчайшем дрейфе,
Сквозь века подступая к моей отчизне –
Потому что бывают такие годы,
О которых мечтают тысячелетья,
И последующие народы
К губам подносят легкие флейты!

Настоящее сохнет от тихой злости –
Гложет скука все то, что не лижет зависть,
А у нас на пиру есть такие гости,
Что у вас на земле еще не рождались.
К нам минувшее тянет отзвуки эха –
Сквозь века, по цепочке, словно снаряды,
И они здесь взрываются зрелым смехом,
Улыбаются и садятся рядом.

Пусть грядущее может все – то есть
Все, что казалось волшебными снами,
Но потомки ищут радость и совесть
В старой книге с нашими именами –
Ведь у нас на пиру есть такие гости,
Ведь у нас собрались здесь такие люди,
Что увидишь сам, перемыв им кости, –
Таких не было и больше уже не будет.

Из любой толпы их выловишь взглядом,
Без труда узнаешь в любом встречном,
Если он хоть миг посидел рядом
На пиру, который пребудет вечно.
Если ты ловец и надежны снасти –
И тебя не минует ловчая сетка,
И исполнится лик твой великим счастьем,
И в ладошку ляжет теплая метка.

Пусть широк вход в мир, – некуда шире,
Но вход на пир – это малая дверца,
И все, что длится на этом пире,
Словно брачная ночь, – в глубине сердца...

1987

ШИПЯЩИЕ СИЛЛОГИЗМЫ И МАКСИМЫ

1

Тещи стали вещи,
вещи были носче,
мощи были мощны,
рожи были всхожи.
Мыла стало мало.

2

Шашни стали проще,
дщери стали падче,
рожи стали схоже,
жены стали обще,
чрева стали ловче.
Скучно стало точно.

3

Очи были кротче,
чары были ярче,
ночи были жгуче,
важно было нежно,
тверже было дольше...
Шлюхи были чутче.

4

Ружья стали глубже,
части стали четче,
путчи стали чаще,
стачки стали стойче,
стычки стали дерзче,
ульчи стали злюче,
мойши стали реже,
чукчи стали мельче.
Сдачи стали молча.

5

Стражи стали строже.
Кражи стали тише.
Желчи стало жальче.

биржи стали ближе.
Штаты стали нашче,
купчи стали крепче.
Стали стали хрупче.

6

Чачи стали терпче,
шайбы стали толще,
джазы стали жестче,
жабры стали ниже,
лежа стало легче,
сложно стало можно.
Шизы стали гибче.

7

Стужи были хуже,
шрамы были свежи,
шаржи были слаже,
марши были мерзче,
вышки были выше.
Мы же были те же.

8

Шоры стали тоньше,
шлюзы стали ширше,
уши стали чище,
речи стали резче,
притчи стали кратче.
Все же было лучше.

9

Толщи стали тоньше,
чащи стали реже,
гречи стали горче,
жижи стали гаже,
корчи стали жутче.

Нужно было раньше...

1988

ОСЫПАЮЩИЕСЯ СТИХИ НА «ПО»

«Есть речи – значенье...»

М. Лермонтов

Пусть граждане запанибрата
То грабят, то лезут в кровать,
Всегда я узнаю собрата –
И как мне его не узнать?

По запаху, полу, породе,
По малозаметным чертам,
Узнаю по морде, погоде,
Поганым стихам, попятам,

По слухам, понюшкам, по грому,
по этому и потому,
по другу, врагу, по-другому,
по всем, по себе, по всему,

узнаю поделкам, помаркам,
поспешности, по куражу,
побудкам, повадкам, подаркам,
по многому, что не скажу

потребе по тоге потуги
по паспорту по паспарту
узнаю подагре подруге
поэме поэту по ту

поклону поклевке по клану
портье побрякушке посту
поместьям портьерам порталам
портрету портянкам порту

каянью казанью казухе
пуляции добыю и рткам
чве чке псе лутону таскухе
зументу стаменту трохам!

1988

Из цикла стихов ПРО ТЁТЮ МОТЮ

* * *

Тетю Мотю бросил Боря.
Мотю извела тоска,
Мотя записалась вскоре
В китобойные войска.

В СССР стоял на взлете
Шестьдесят четвертый флот,
Приписали тете Моте
В подчинение вельбот.

Тетя Мотя на вельботе
Получила якоря,
Получила, наточила –
Оказалось, что не зря:

Как прошли Галапагосы,
Так пришлось ей привыкать
Якорем колоть кокосы
И матросов отгонять.

Но сначала тетя Мотя
Охраняла стеллажи,
А матросы тете Моте:
– Покажи да покажи...

Не умела тетя Мотя
Тем матросам отказать –
Так хотелось тете Моте
Хоть кому-то показать!

* * *

Тетя Мотя на вельботе
Оказалась за бортом,
В проплывавшем кашалоте
Плотно запертая ртом.

Этот случай с тетей Мотей
Обсуждала вся страна,
Ведь бывали в кашалоте
Лишь Иона и она.

* * *

Выпивала тетя Мотя –
Начинала привирать,
Как блуждала в кашалоте
И надыбала кровать.

Мол, в глубинах кашалота
Древних денег миллион,
И как было неохота
Жрать все то же, что и он.

* * *

Тетя Мотя в день победы
Надевала патронташ
И, как прадеды и деды,
Уходила в степь, в блиндаж,

Слушала, как вдоль речушки
Шли телушки из села,
Пела старые частушки
И из кружки спирт пила. <...>

* * *

Тетя Мотя в старом доте
Отдыхала от жары,
Тетю Мотю в старом доте
Донимали комары.

Воевала тетя Мотя
С комарами – будь здоров!
В доте после тети Моти –
Кровь и трупы комаров.

* * *

К Моте по своей охоте
Сам Вучетич приезжал,
Отыскал на обмолоте
И к груди ее прижал.

Мотя часто вспоминала,
Как пред этим Вучетчом,
Рот разинув, год стояла –
В длинном платье и с мечом!

* * *

Тети Моти бюст в шамоте
Выставляли в ЦДХ –
Славный, но, в конечном счете,
Бюст в расчете на лоха,

Ибо трепетанье плоти,
Всплески потаенных чувств
Вызывал бюст тети Моти,
А не тети Моти бюст.

* * *

Тетя Мотя в привороте
Подзабыла третий слог,
А и нет уж на болоте,
Кто б ее предостерег!

Зелья казачок напился,
И никто его не спас –
Так в районе появился
Первый местный пидорас.

* * *

Тетя Мотя где попало
Собирала алычу
И посылкой отправляла
Леониду Ильичу.

На посылки, если честно,
Леонид Ильич молчал.
Совершенно неизвестно:
Получал? Не получал?

* * *

Тетя Мотя на болоте
Собирала корешки,
Тетя Мотя на болоте
Отморозила кишки.

К счастью, бродит на болоте
Добрый Гришка-пастушок,
У него для тети Моти
Есть волшебный корешок.

* * *

Мотин психоаналитик,
Бессловесный дед Гаврил, –
Десять лет, как паралитик, –
Говорят, заговорил!

.....Храм, как водится, взорвали
(Новый строится пока),
Кое-как попривыкали
К жизни без духовника,

И сложилось, что к Гавриле
В богом брошенной глуши
Со всего села ходили,
Чтобы тяжесть снять с души...

Тайнами село богато:
Тот гулял, тот воровал...
А ведь клятвы Гиппократа
Дед Гаврила не давал.

Как заговорил Гаврила,
Так себя приговорил –
Каждый вспоминал блудливо,
Что ему наговорил!

А ведь деда навещали
И поили десять лет –
Столько лишнего трещали,
Что хана, – покойник дед...

.....

Уж кого-кого, – Гаврилу
Хоронило всё село,
Столько слов наговорило,
Столько бражки припасло!

Осторожно обсуждалось,
Кто там руку приложил...
Зря Гавриле не лежалось –
Так бы жил себе и жил!

КАЗАЧЬЯ НАРОДНАЯ

Что ли я, да эх, да что ли я,
Да эх, да что ли я и вправду не казак?!
В поле я, да эх, да в поле я,
Да что ли в поле не найду какой кизяк?!
Что ли я, да на приволье я,
Да из какого-никакого кизяка,
Что ли я, да в русском поле я,
Да не слеплю себе другого казака!

1985

* * *

В старой песенке поется:
После нас на этом свете
Пара факсов остается
Да страничка в интернете...

* * *

Тихо-тихо, как улитка,
По лицу ползет улыбка...
Чувствую – вот-вот дойдет
До братишки анекдот!

* * *

Мне Родина всегда казалась ямой,
В которой бродит одинокий бык.
Россию я не называю мамой –
Я с детства знаю, что она мужик.

1977

* * *

Полюблю я Россию, ее славный народ,
Называть ее матушкой буду своею,
Только пусть для начала она мне вернет
Мои 70 сотовых, спизженных ею!

[Из танаисских стихов]

... И обходя свой дом со всех сторон,
промахиваясь, руки разбивая,
он плакал, в ставни гвозди загоняя, –
так быстро, как во время...

Он потом
подумал: как похоже, как похоже...
Взял две доски и к двери подошел,
остановился – так нехорошо,
нет, так он не решился подытожить.
Он суетился, ничего не видел –
Она стояла, он ей говорил:
подай мне, принеси – она стояла,
потом пошла, прикрыв ладонью рот,
и он пошел, и если бы не кот,
оруший в чемодане (кот вернулся
и жил один здесь), он бы обернулся.
А так он говорил коту: не ной,
сейчас придем, – и примерял иной
путь, на котором он давать
не сможет ни на миг себе покою,
чтоб ничего не помнить и не знать,
без сил под утро падая в кровать
и быстро засыпая,

как землю.

1987

ПИСЬМО МАРИНЕ ПАЛЕЙ

А я был в Крыму. Танаис потихоньку затих –
я был там с актрисой в последнее из воскресений,
зовут Маргарита (фамилия комкает стих),
ну, эта, что в "Зеркале" или в "Собаке на сене".
Раскопки и степь поменялись нарядом своим:
степь желтая с красным, а камни всюю зеленеют,

полно запоздалых гостей, тут сентябрь, а им
как будто начхать – пьют чай, загорают, балдеют.
Последние дни! Каждый хочет урвать хоть чуть-чуть,
как будто зимой не налюбят, не насмеются.
Все женщины в просьбах, в глазах откровенная жуть –
за них я спокоен: они хоть добьют, но добьются.
А я распеваю: увольте, увольте меня...
Я все это помню, но еду к себе. Мастерская.
Подруга в Москве на гастролях, а я у огня
сижу целый день в одиночестве и сочиняю.
Вот вызов пришел – друг опять приглашает в Берлин –
поеду зимою, а если Ростов не отпустит,
то я не печалюсь особенно, Хоннекер с ним, –
опять эмигрирую в Рим – там Вергилий, Саллюстий...
Ну, что еще можно... у наших с тобою друзей
пока все в порядке – решают стрекозьи проблемы.
Обком с перепугу вернул самолеты в музей,
ко мне же вернулись обычные мысли и темы.
С утра – холодина, ни выкупать, ни постирать,
а днем в каждой щели торчит запах прели и гнили,
дожди зачастили, и время уже разбирать
тот домик, который весной для тебя сколотили.

1986

* * *

Что-то, предначертанное в нас,
Скрыто, но однажды открывается:
Вам пора в дорогу, пробил час!
"Осторожно! Двери закрываются"
Женщина любимая — женой
Все казалась, а теперь прощается,
Молча все прощает, и за мной
Осторожно двери закрываются.

1978

ВСТРЕЧА

Оказались за одним столом.
Я сначала думал – обознался.
Боже, неужели это он,
Тот, при ком я и дышать боялся?
Он жует и все глядит куда-то
Неподвижным взглядом мертвеца,
Ощущеньем спущенного ската
Так и веет от его лица.
Ничего от давней той поры
Не осталось в этом человеке,
Разве только – этот взгляд с горы,
Эти приопущенные веки.

1982

* * *

Тебя все чаще поднимают на смех,
и правда, ты теперь совсем жалка.
Но я – ловец, в тебя влюбленный насмерть,
чувствительней любого поплавка.
Я стерегу тебя на этой глади,
предчувствуя твою живую кровь,
не для того, чтоб целовать и гладить.
И это не похоже на любовь.
Я сознаю – ты мне необходима,
не зная сам, зачем и почему,
но главное – чтоб ты не приходила
ни просто, ни по зову моему.
Остерегись, я все успел завесить
незримой паутиною сетей,
и на машинке чутко дремлют десять
паучьих пальцев нежности моей.

1986

* * *

Избрав меня источником всех бед,
ты не учла извечные начала:
тебе я часто заслоняю свет,
но вспомни – этот свет не ты включала.
Все горе и всю радость наших лет,
которых утекло уже немало,
какой-то странной волею судеб
всегда из рук моих бы принимала.
Но я не бог, и я не гений злой,
послушай, я скажу тебе на ушко:
я – мальчик, я – рассыльный, вестовой –
меж миром и тобой на побегушках.

1979

* * *

Что мне сказать поколению,
попавшему в некий компьютерный
и акустический плен?
Что мне сказать поколению,
которое уже никогда без запинки
не сможет прочесть слово "челн"?
Что мне сказать поколению,
для которого в слове Рэмбо –
только одно ударение?
Что мне сказать поколению,
не знающему ни одного
моего стихотворения?

1989

Из последних стихов

(август 2011)

МОНОЛОГ БЕДНОГО ПОЭТА ИЗ ПЬЕСЫ «ЛОМБЕРНЫЙ СТОЛИК»

Как ни пытаюсь тасовать
Расклады нашего пасьянса –
Передо мной лежит опять
Цветастый коврик мезальянса.
Во-первых, красота твоя –
Ведь этот профиль совершенный
В Равенне золотом швея
На флаге вышила, чтоб я
Носился с ним, как оглашенный.
Рука нежна, щека бела,
В них каждый атом юн и весел,
А я? Я даже зеркала
Толстенной пылью занавесил.
Хотя б – «Дитя и де Тревилль» –
Картинка в новомодном стиле,
А я ж – пенсионер, бобыль,
И три жены лежат в могиле.
Как будем мы с тобой гулять –
Ходить и мной пугать двуногих?
Хоть разницею в тридцать пять
сегодня удивишь немногих.
Ну, это ладно, а бабло?
Мы просто сдохнем с голодухи,
Ты скоро скажешь: – Заебло!
Иди к какой-нибудь старухе...
И мы пойдем! С твоим дитём!
С котомкою! Бродить по миру!
Чуть-чуть поплачем и пойдем,
А ты вали в свою квартиру.
Ведь за тобой твоя семья,
А мы одни на этом свете,
Лишь наш ребеночек и я,
Ну и ... мои другие дети.

Тебя готовили к чему,
Учили, плакали ночами?
Чтоб ты жила в чужом дому
И жизнь закончила в Сучане?
Твой род тебе бы передал
Дела, и земли, и доходы...
Зачем я сдуру проиграл
Свои станки и пароходы!
Тогда б пришел – мол, так и так,
За мной вон то, за мной вот это,
А так – за мной один бардак...
Кто пустит на порог поэта,
Который пьет десятый год,
Уже рукой костлявой мечен?
Да твой отец меня убьет,
И возразить на это нечем.
Ты видишь – я тебя никак
По всем параметрам не стою,
Мой друг, забей на этот брак!
Мой друг, была б ты сиротою...
Так что – прости, лети, цветы –
Семьи не сможет получиться,
Как эти карты ни крути.
Хоть так, хоть эдак подойти –
Я, типа, ангел во плоти,
А ты – обычная девица.

* * *

Радует ярмарка пляскою редкой
Нимфы и фавна,
Кружат над публикой марионетки.
Мило, забавно.

Этих игрушек странно веками
Быть двойниками –
Кто-то над нами, над облаками
Водит руками.

Роли понятны, я и конфужусь
Только мгновенье,
Предвосхищая счастье и ужас
Прикосновенья.

Наше тщедушье не оскорбляет,
Не обижает,
Кто-то над нами просто играет,
Руки сближает.

Ты понимала это отлично,
И принимала –
Прикосновенье стало привычным,
Нам уже мало.

Станем студентами нежной науки
Радостной муки! –
Видишь, над нами, над облаками
Сомкнуты руки.

* * *

Непонятно мне, чем ты могла зацепить,
А тем более – чем зацепиться?
Не умеешь гулить, не умеешь полить,
Но и горлица ты и теплица.

Умоляю тебя – попытайся свалить,
Умотать, улететь, раствориться,
Ну, хотя бы меня перестань себе снить
И мне ночью попробуй не сниться.

Чтоб потом не пришлось нам друг друга винить,
Мол, петлей оказалась петлица,
Постарайся быстрее меня разлюбить,
Пока мы не успели влюбиться.

***

День начинался высоким туманом,
Эхом глухих голосов у причала,
Вспомнил зачем-то о маме, а мама
Долго на письма не отвечала.

Сел я за стол, где лежала сырая
Рукопись – нужно читать, попросили,
Думал о Родине я, разбирая
Чьи-то плохие стихи о России.

И перед взором прошли вереницей
Лица великих людей, у которых
Мне предстоит еще долго учиться,
С кем я веду непрерывные споры.

Так просидев полчаса, как бездельник,
Вышел на улицу, чтобы встряхнуться
И отойти от наплывших видений
Войн, забастовок и революций.

Но и на улице взгляд мой далече
Был устремлен – через годы и годы;
Вышла жена, обняла мои плечи,
Залобовавшись осенним восходом.

Солнце уже золотило верхушки
Вишен, склоненных над дельтой притихшей,
Мимо калитки спешила старушка
К церкви, мерцающей цинковой крышей.

И до сих пор будоражит и дразнит
Голос, едва долетевший до слуха:
– С праздником, детки.
– А что же за праздник?
– День всех святых, – отвечала старуха.

* * *

Подарок тебе преподносит поэт,
Он станет понятен потом лишь,
Под старость, когда потеряется след
Всех августов, полных любви и побед,
А этот – до смерти запомнишь.

ОГЛАСКА

Когда позволено ласкать,
В ответ не получая ласки,
На нежности лежит печать
Огласки будущей развязки.

Любовь на диске D растет,
Удваиваясь в день, и, значит,
Она однажды сеть взорвет
И мой компьютер расхерачит.

Все наши мнимые грехи
С годами будут только зримей,
И чем прекраснее стихи,
Тем и она неотвратимей.

* * *

Чем не побудка для чуткого слуха –
Тихого вздоха далекое эхо?
Имя твое из весеннего смеха,
Тело твое из девичьего страха,
Платье из тополиного пуха,
Ты подлетела, сделав два взмаха –
Светлая кроха, легкая птаха,
Жизни младенец, детства старуха,
Скорби могильщица, горю помеха,
Краха грядущего нежная плаха.
Как не влюбиться – с разбега, с размаха?
Хватит ли духа мне?
Хватит ли духа?

ДОПОЛНЕНИЯ

Стихи из инета и сб. «Ювенильный романс»

* * *

Как-то раз приключилось со мной:
Проходя вдалеке от дорог,
Заблудился в чащобе лесной
И набрел на один хуторок.

Срубы с виду обычны, но там
То ли спят, то ли делают вид.
Выйдешь в сени – идут по пятам,
Чиркнешь спичкой – она не горит.
1978

БЛЮЗ ДЛЯ ГРУППЫ «12 ВОЛЬТ»

Ты вместо диско ставишь сонный блюз,
Мы в тон ему меняем тон беседы,
И я уже не знаю, как уеду,
Хотя и помню, как я тороплюсь.

О, что за мука сердцу моему!
Здесь счастлив, видно, только кот сиамский,
Подобострастно принимая ласки,
Что вряд ли предназначены ему.

Ну вот и все – часы над головой
Уже давно мелодии слышнее,
Вот–вот придут родители домой,
Пора. Как мы прощаться не умеем!

Последнюю раскурим мы вдвоем,
И след от губ настолько осязаем,
Что втайне друг от друга точно знаем –
Запретный поцелуй передаем.

1979

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Не чувство, нет, только зачаток,
Как дождь, что еще назревал...
Я чистил молочный початок,
Как будто перчатку срывал,

И ей протянул. И с шуршаньем
Обрушился первый раскат.
Я знал уже – мы совершаем
Какой-то старинный обряд.

Я думал: "Неужто? За что мне
Опять это поле и свет?"
Смеялась: "Я это запомню –
Кормил кукурузой поэт".

Запомнишь? Ну что же, запомни,
Запомни, попробуй забудь!
И снова не верил: "За что мне?"
И – первые капли на грудь.

1983

* * *

Корова стоит над раскопом и 'му-у' говорит –
Глубокий колодец в раскопе 'му-у' отвечает корове.
Собака стоит над раскопом и 'гав' говорит о корове –
Глубокий колодец в раскопе собаке 'гав' отвечает.
Звенит над раскопом комар, словно зуб надоевший –
И звоном тончайшим наполнен глубокий колодец.
И ночью паук заплетает его горловину,
И утром течет белена в это темное ухо,
Туда, где в заброшенной амфоре из Гераклеи
Живет в ожиданье печальная девушка Эхо –
С бессмертной душою, с любовью неразделенной...
Корова стоит над раскопом и 'му-у' говорит,
Эхо из амфоры 'му-у' отвечает корове...

РУСАЛОЧКА

В лед вмерзший камыш шелестит и звенит от поземки,
И там, где он вышел дугой к середине протоки,
Я осенью часто казанку привязывал к тонким
Ветвям ивняка, накрывающим омут глубокий.

Возможно ль русалке, чья лепка еще так непрочна,
Чья жизнь, словно мысль, быстротечна, а тело прозрачно,
Здесь выжить и жить, в этой затхлой воде непроточной,
У этой земли, так подолгу холодной и мрачной?

Я помню поклевки, уловы, но также движенье
Воды под рукой, этот взгляд, этот смех беспричинный,
И в памяти образы жизни и воображенья
Настолько смешались, что вряд ли уже различимы.

Магнитные линии тела я вижу донныне,
Я помню, как пела, и то, как манила, кивала,
Но я-то ведь знал – ее не было здесь и в помине,
Когда, оттолкнувшись от лодки, она за камыш уплывала.

1985

* * *

С.Иванову

...Она звонила и сейчас придёт.
Мы виделись в одном из сновидений.
Я спал... Да, я рассказывал – когда
ты выходил с четвертою когортой,
она стояла впереди других
в сирийском пеплосе и вдруг, тебя заметив,
пошла вперед, и, что-то говоря,
тебе совала сверток или может
платок какой. Ты руку отстранял
и шприц не брал, но все же взял, засунул
в карман нагрудный, застегнул его
на пуговицу медную с эмблемой
и обернулся даже, а потом

ты с шага сбился – видно, потому
еще раз улыбнулся.

Напрягись,
ты должен это вспомнить!
Постучали? Сейчас открою....

1989

ЗЕМЛЯКАМ

Я с вами спокойно расстался,
Поскольку такой вы народ,
Что я среди вас выделялся,
Всегда выделялся ...как пот.
Мне лучше пожить где-то с краю
От вашей безмерной красы,
Поймите, я всех отпускаю,
Я вас отпустил ...как усы.
Но чтобы от чувств не взорваться
Без южных стаканов и губ,
Мне надобно к вам вырываться,
И я вырываюсь ...как зуб.
Своей шевелюрой большою
Спешу к вам на шею упасть.
Лечу к вам с открытой душою,
Душою, открытой ...как пасть.

* * *

Всю зиму я сижу в Крыму,
гляжу в промерзший сад,
и непонятно почему
Я ничему не рад.
Не радует меня вино,
ни дева, ни еда,
как будто выгнан я давно
из жизни навсегда.

Депрессия моя светла,
спокойна и мудра,
и есть картошки полведра,
капустки полведра.
Ни горевать, ни вспоминать –
ни сил, ни перспектив,
поскольку спать зовут опять
кровать и детектив.

[МЕЛОЧЬ]

* * *

Отчего летит корыто
Из высока терема?
Оттого, что понапрасну
Молодость потеряна!

* * *

...Запереться аскетом, теряя при этом
Тьму попок и дружб, вдохновений и женщин.
Я уже не хочу быть здесь лучшим поэтом,
Я хочу быть старейшим...

* * *

В Италии я как-то был по делу,
И что увидел записной пиит?
Пизанской башенки пещеристое тело
Уже не хочет, но еще стоит.
Да ведь и мы с тобой, мой друг, ни дать ни взять –
Развалины иль что-то в этом роде:
Нам есть еще, что миру показать,
Да вот беда – экскурсии не водят.

* * *

Из соседнего леска
Скачет всадник без носка,
А за ним из леса
Скромная принцесса
Выскочила и кричит:
– Возвратись, повеса!

* * *

Я на ужин съел рагу –
Лучше бы отдал врагу...
Но подобный ужин
И врагу не нужен.

* * *

Не попил я с Губерманом,
Потому что загулял.
Жаль – такого атамана
Я на бабу променял!

* * *

Зачем гуляет Губерман
Среди крестов и фотографий?
Чтоб возбуждать улыбку дам
Огнем неожиданных эпитафий.

* * *

Не создавай кумира и вождя,
Живи по совести, по кодексу, по Далю.
Будь в зрелости похожим на себя,
Но в старости – на Берестова Валю...

Дополнения к циклу стихов ПРО ТЕТЮ МОТЮ

Докладала тетя Мотя
На комиссии ЦК
О проделанной работе,
Засекреченной пока.
Задушевными словами
За душу сумела взять:
– Вот стою я перед вами... –
Только и смогла сказать.

* * *

Говорят, что Церетели
Приблизительно раз пять
Выезжал из цитадели –
Тетю Мотю изваять,
Но не смог он на болоте
Тетю Мотю отловить –
По тревоге тетя Мотя
В старый дот тикала жить.

* * *

К Моте хиппари вписались
Покемарить до зари
И надолго прописались,
Наркоманы-упыри...
Так сумели двор загадить,
Как корове не смоглось,
И от дома их отвадить
Моте еле удалось:
Тетя Мотя, как бульдозер,
С занесённым кирпичом
Залетает в хату в позе,
Столь любимой Вучетчом
И, на хиппарей приближных
Брызжа праведной слюной,
Шлет их матом трехэтажным
В Пярноклайпеду, домой!

[из самых ранних]

* * *

И, от рождения третьего дня,
В час, когда не было у колыбели
Мамы и папы – они проглядели, –
Божия искра попала в меня.
Можете даже сейчас поглядеть:
Искра горит. Она будет гореть.
Только всего-то и есть у меня –
Божия искорка, радость моя.

[из новых]

* * *

Пришла пора, та самая –
Окончены дела,
И легкая душа моя
Мне стала тяжела.

Она со мною мается,
Она мне так поет –
Поет, что собирается
В полет, в полет, в полет.

Попутчицей случайною,
Не плача, не виня,
Живёт своею тайною,
Скрытой от меня.

Июльской ночью, в Троицу
Я сплю – она не спит,
И лишь глаза закроются, –
Летит, летит, летит...

* * *

Я, видно, уже окончательный псих –
Во мне не осталось желаний *моих*,
И я выполняю желание водки,
Чтоб пили её, и желанье красотки,
Чтоб били её и возили на море,
Желанье друзей постареть в разговоре,
Желанье детей повзрослеть поскорей
И очень простые желанья зверей.
И я комара уже не убиваю:
Пускай пососет – я и так убываю...
Шакалы всё ближе, и тучи всё ниже,
Сужают круги надо мной соловьи,
А я растерял все желанья свои.
Что мне остается? Идти выполнять
Желание водки стакан наполнять?
Желанья красотки, желанья друзей
И очень простые желанья зверей,
Желанья детей и желанья пичуг...
Пройду ли я этот незамкнутый круг?

2003

* * *

Я полгода в беспробудном пьянстве
И заиклен на пошлейшей теме:
Что сказать о женском постоянстве
Мне, так подло брошенному всеми?

Вы давно меня похоронили,
И не нужно о любви горланить –
Ведь в итоге все мне изменили,
(Если мне не изменяет память...)

2004

СЛЕДЫ

В разгар веселья вышел в сад,
Уже светало,
И, не виновный, – виноват –
Стоял с бокалом.

Сад подморозило. Гроза
Не ощущалась.
Она ушла. Ушла, коза,
Не попрощалась.

Из восклицаний ледяных,
Бесповоротных
Сквозь сад тянулся грустный стих
Нерасторопный,

И я читал его с конца
На хрупком свитке,
С конца – от самого крыльца
И до калитки.

Был непонятен и не нов
Уход английский,
Я тонкий лед твоих следов
Крошил в свой виски

И шел домой на громкий свет –
Кутить, напиться,
Старинный позабыв запрет
Пить из копытца.

Твои следы в моем саду –
На той дорожке,
Где я один иду-бреду,
Потупив рожки.

2007

* * *

*Вещи, которые стали моими,
Неторопливо становятся мною.
В них прорастает новое имя
С новою кровью, с душою живою.*

*Вижу, вы с полки безделицу взяли.
– Что это? – жестом, как в пантомиме.
И отвечают вам: «Это – Виталий»
Люди, которые стали моими.*

1989

Х Р О Н И К А [январь 2012]

Виталия Калашникова убили в подмосковной Дубне

Поэта Виталия Калашникова избili до полусмерти на улице. Он скончался в реанимации в клинике.

Виталий Алексеевич поступил туда без документов, но смог назвать свое имя. В пятницу по лентам информационных агентств прошла информация, что тело поэта найдено было на одной из улиц Дубны и что причину смерти установят эксперты. По одной из версий поэта серьезно избili на улице. Блогеры, знакомые поэта, подтверждают – Калашникова действительно избili в ночь под Рождество.

Виталий повздорил со своим приятелем, к которому и приехал в гости в Дубну из Москвы, и, разгоряченный, выбежал на улицу, оставив документы, деньги, телефон в квартире. Больше живым его не видели.

- Но его труп на улице не находили. Виталий скончался в реанимации горбольницы в Дубне – рассказал нам друг поэта Андрей Крылов. – Я ездил на опознание. У меня на руках выписка свидетельства о смерти. Первоначальная причина смерти – ишемическая болезнь сердца. Есть еще две: острая сердечно-сосудистая недостаточность и кардиосклероз. Не выдержало сердце.

Про травмы, полученные в драке, друг поэта говорить отказался, лишь тяжело вздохнул.

В горбольнице Дубны Калашников провел пять дней – с 6 по 11 января. Дважды его переводили в реанимацию, после первого раза он даже вставал на ноги, передвигался. Смог назвать свое имя. А потом стало резко плохо с сердцем....

"Мужчина строит сердце. А женщина там поселяется и живёт" – сказал как-то Виталий Калашников. Сердце поэта с пережитым не справилось. И те, кто жил там все это время, в середине зимы остались бесприютными....

В пятницу вечером Следственный комитет, подтвердил, что по факту смерти поэта возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека).

По данным СК поэт скончался в результате тупой сочетанной травмы грудной клетки, поступив в горбольницу с переломами ребер.

Далее подробности на сайте СК:

«6 января 2012 года в правоохранительные органы поступило сообщение о госпитализации в Дубненскую городскую больницу с переломами ребер 53-летнего поэта-песенника Виталия Калашникова, который 11 января 2012 года скончался в результате тупой сочетанной травмы грудной клетки.

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления, а также лица, причастного к совершению преступления. Расследование уголовного дела продолжается».

.....

Полицейские задержали возможного убийцу поэта Виталия Калашникова

В среду, 18 января, полицейские задержали предполагаемого убийцу поэта-песенника Виталия Калашникова, который в начале января 2012 года был до смерти избит в подмосковной Дубне.

«Полицией удалось задержать 32-летнего местного жителя, подозреваемого в избиении поэта», – приводит РИА «Новости» слова сотрудника правоохранительных органов. Убийцу известного барда Виталия Калашникова по горячим следам нашла подмосковная полиция. Им оказался 32-летний безработный Максим Ганичев, который раньше не был знаком с поэтом. Он также отметил, что убийство барда произошло во время распития спиртных напитков.

Как сообщается на официальном сайте Следственного комитета (СК) РФ, по факту смерти 53-летнего Калашникова было возбуждено уголовное дело по части 4 статьи 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека»). Предполагаемому преступнику грозит до 15 лет лишения свободы. [Позже Дубненским городским судом Ганичеву было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима]

По данным следствия, мужчина избил поэта на почве личных неприязненных отношений. Калашникова нашли 6 января в квартире дома на улице Правды в Дубне. Он был госпитализирован в Дубненскую городскую больницу с закрытой черепно-мозговой травмой и большим количеством гематом. Спустя несколько дней, в результате травмы грудной клетки, бард скончался.

На своей страничке в соцсети Виталий Калашников в канун нового года установил статус: «Даешь год без смертей и хвороб». После кончины один из его друзей выложил последнее послание Калашникова: «У меня все по плану. Я себе загадывал большую жизнь. И слава мне нужна только в старости, когда ноги откажут – пока она только мешала и вообще мне не идет...»

Похороны Виталия Калашникова состоятся 17 января на Николо-Архангельском кладбище.

+++++

17.01.2012

11-00 Прощание.

Центральная клиническая больница им. Семашко. Будаевская, 2, корпус 13 (левый дальний угол, двухэтажное здание). При возможности (для упрощения прохода через проходную) лучше иметь с собой паспорт.

~ 13-00 Николо-Архангельский крематорий.

~ 15-00 ВВЦ, 62-й павильон Республика песни. На территории ВВЦ справа от входа предполагается стоянка автобуса с надписью "Республика песни".

Захоронение урны с прахом произойдет в заповеднике Танаис позднее.

Ася Аксенова

Виталий Калашников. Очень личное

«Я собираюсь жить вечно. Пока у меня получается».

Эти слова слышали от него все его друзья. Я ему даже футболку с такой надписью по-английски привезла из Риги. Из чего заключила, что авторство все же – не его. Но так к нему прилипло...

Виталик был абсолютно живой. Совершенно бессмертный. Этого не могло с ним случиться. Он, постоянно писавший о смерти и серьезно, и в шутку, совершенно с ней не ассоциировался. Витальный Виталик. Его и не могли звать как-то по-другому. Античный бог. Кельтский Кухулин.

Его всегда было много. В любой компании он заполнял собой весь воздух, все пространство – и хотелось слушать только его.

Он бескорыстно любил поэзию. Не СЕБЯ в поэзии, а ПОЭЗИЮ. Это очень редкий, почти не встречающийся дар. Ему было не очень важно, покажут ли его по телевизору, сколько у него книг и сколько человек пришло на его выступление.

Он не очень любил вещи. Терял их, забывал в гостях, оставлял друзьям на хранение, дарил, у него их крали. Виталик, так любивший эту жизнь, был не очень привязан к ее внешней физической стороне.

Он очень мало спал. Потому что, по словам Виталика, «Поэт никогда не спит. Он отмаливает мир». Сказал это мне Виталик, когда предложил в половине четвертого утра отправиться в гости к Геннадию Жукову. Тот, действительно, не спал, когда мы приехали.

Семь лет назад у нас с ним была любовь. Время тесного общения с ним было феерическим: мы ездили в гости к самым разным людям, ходили на какие-то литературные и художественные тусовки и практически не спали и не ели. Первые трое суток мы сидели у меня на кухне за столом и разговаривали. И не могли оторваться от разговора ни на минуту. Говорили обо всем. О поэзии.

Байки травили, в основном Виталик. Истории из жизни. Стихи свои читал. Я была прихлопнута «Хижиной». До этого я больше знала его шуточные стихи типа «Муж уехал в Пакистан».

У нас время сгущалось и спрессовывалось так, что шесть часов казались полчаса... У обоих. Я просто отмечала внешнее время на часах и удивлялась, как быстро и в какие дыры оно утекает.

За почти месяц нашего общения я забросила работу. Похерила диссертацию. Прошляпила важные документы. Не помню, как и что я ела и пила. (Один раз помню. В гостях за городом я прикорнула на часик. И проснулась от запаха горячего. Виталик сидел рядом со мной с яичницей и кормил меня ею с рук).

Мне было ни до чего. Мне было безумно интересно жить. Так интересно, как никогда не было ни до, ни после. Калашников сказал мне: «Ты еще ничего про себя не знаешь. И будущего своего не знаешь. Ты тщедушная. Ты меня не выдержишь. Я тебя боюсь уничтожить собой. Ты не сможешь столько пить, сколько я. И так не спать, как я. Я боюсь сломать тебя».

Действительно, жить с Виталиком было – как посреди карнавала. С головой, задранной к фейерверку. Лицом к горящему лесу. Или как постоянно без перерыва смотреть шедевры мирового кинематографа. Прекрасно, чудесно, восхитительно – но если месяц подряд только это – совершенно уже невозможно.

Потом он исчез и уехал в Ростов. А я к нему туда прилетела. Он был в восторге: «Ты поступила, как поэт. Непредсказуемо».

Потом мы поссорились, расстались. Потом помирились и стали очень нежными друзьями. Мой дом всегда был для него открыт. Виталик приходил ко мне в любое время суток и в любом составе. С сыном, друзьями, подцепленными на улице пятью юными студентами, глазевшими на него, открыв рты. Виталику у меня всегда был стол, кров и ночлег, и сейчас я очень этому рада.

Он любил гулять с моим псом – у них был схожий менталитет. Они уходили с Лордом – оба лохматые, с большими головами, смешные, лезущие со своей любовью ко всему человечеству, общительные и доверчивые. Когда они были вдвоем, их совместное обаяние возрастало во много раз. Оба приходили довольные и что-то жующие: «Лорд выпросил у девушек в парке гамбургер, ну и мне перепало». Лорд его обожал.

Пес мой умер три с половиной года назад. Когда Виталик в очередной раз меня посетил, он сказал: «А тесно все так же. За последние годы, что я тебя знаю, из квартиры вынесли только Лорда».

Он ревновал меня к огромному двухметровому соломенному зайцу в углу моей кухни: «Он вытесняет меня, занимает мое место! Если бы я с тобой жил постоянно, я бы его выбросил на помойку!» Но он уже не жил со мной постоянно...

Он страшно обрадовался, когда я сообщила ему, что беременна. Сказал: «Не важно для меня, кто отец твоего ребенка. Важно, что он – Поэт». И позвал меня это отметить в пиццерию на Таганской площади.

Мы сидели в шумноватом зале, когда Виталику позвонил сын Арсений, а тот в духе итальянской лирической комедии громко – сценическим голосом – закричал: «Арсюша, радость какая! Аська беременна! Нет, не от меня! Но какая разница? Воспитывать-то все равно буду я!»

Весь зал смотрел на нас. А я стала совершенно неприлично ржать, потому что увидела это все со стороны.

Виталик очень быстро нашел общий язык с Полиной. Он показал ей свое немаленькое пузо и сказал: «Бей, это барабан» Семимесячная Полина охотно стала колотить и хохотать. А двухлетней он читал детские стихи и обижался на нее: «Ты такая же совсем, как и я! Ты хочешь, чтобы все слушали только тебя! Тебя слишком много! Это меня должно быть много! Я главное, потому что я вот как могу отжаться, а ты нет».

Полина кричала: «Нет, я главное!» И тоже пыталась отжаться. Причем Виталик конкурировал с ней и ревновал совершенно искренне и по-детски. Я думала, Полина обидится. А она смеялась.

Полина очень любила Виталика. Да и Виталик ее тоже. Сокрушался все время: «Ах, почему это не моя дочь? Почему мы с тобой никого не родили?»

Виталик хотел дочку. И – назвать ее Маргаритой.

Через полчаса после того, как я узнала о смерти Виталика, Полина сказала: «Есть дяди и тети, которые улетают на небеса, на самолете, на луну». И без перерыва: «А почитай мне про тетю Мотю».

На похороны я ее не брала. Но что Виталик умер, сказала, вернувшись с похорон. Вот наш диалог после того, как я напомнила ей об их давнишнем соревновании:

- Я хочу его увидеть и помириться. Когда я его увижу? Когда он придет?

- Никогда. Он умер.

- А где он живет?

- На небе.

- Но потом же когда-нибудь он опять будет жить. И мы его увидим.

- Когда?

- Через десять дней.

- Он будет человек?

- Да. Но с хвостом дракона. Нет. Он будет тигр и будет разговаривать.

И потом: «Блин! Я хочу его видеть. А нет его».

И еще я ее спросила:

- Ты Виталика помнишь?

- Который убился? Если умер – значит убился. Помню.

- А что ты помнишь?

- Стихи.

И ведь действительно – если умер, значит убился. Позволил себе умереть...

Виталик, нельзя сказать, чтобы очень часто, видел и воспитывал Полину. Но она растет с весьма похожим характером. У нее есть даже прозвище для домашнего употребления: «Маленький Виталик». В поезде она в первую очередь идет тусоваться со всем вагоном. Очень хочет, чтобы слушали только ее. Стихи читает, песни поет, танцует – для первого встречного. И очень любит людей. И доверяет им.

Калашников не переносил совершенно, когда от него отвлекались на что-то еще. При нем нельзя было мыть посуду, готовить, вязать или шить – он ревновал к этим действиям.

Как-то он позвонил и сказал: «Мне сегодня 50 лет. Я хочу этот юбилей отметить у тебя. Мы едем с Арсением – накрывай поляну». Через час они приехали. Я что-то резала-жарила-

смешивала, а Виталик кипятился и размахивал руками: «Обожди! Ты почему отвлекаешься? Сядь поговорить!»

Я ответила: «Калашников! Я поляну тебе готовлю! У тебя юбилей! Она сама не сможет себя приготовить!» Несколько раз до этого я слышала от Виталика, что когда ему исполнится 50, он проснется утром и напишет гениальный стих. Я спросила: «Ты написал?» Виталик ответил, что имел в виду первый день после пятидесятилетия. Следующий день наступил. Виталик на три часа отлучился в парк. Он ничего не написал. Не написал и через день. У него был какой-то кризисный период. Знаю, что незадолго до смерти он начал писать опять...

На поминках Дмитрий Строчев сказал спасибо бардам за то, что они всегда тепло и с любовью принимали Виталика. А литературная тусовка зачастую – настороженно. К сожалению, это действительно так.

Виталик был слишком непосредственным и искренним. Он был абсолютно неформатным. Да о нем просто многие не знали. Теперь, думаю, узнают... А поэт он был восхитительный. Нежный, тонкий, ироничный.

Виталик производил на незнакомых людей порою странное впечатление. Шут гороховый, клоун, Карлсон, Винни Пух... Повторявший подвиг христианских блаженных и юродивых – в своей безбытности, нематериальности, бездомности, в своей огромной любви к людям, в своих объятиях навстречу любому, ближнему и дальнему. Воспринимавший всех – с одинаковым интересом и любовью.

Никто из его близких не понимал этой его дурацкой страсти – находясь в гостях у любивших его людей, вдруг сорваться в ночь – подышать, погулять, за сигаретами, цепляться за случайного прохожего, заводить с ним разговор и уходить с ним – в чужую квартиру, на лавочку, за помойку. И этим случайным забулдыгам рассказывать о поэзии, читать стихи. Как будто он мир хотел исправить.

Как правило, эти собеседники Виталика жабрами чувствовали масштаб личности и с удовольствием с ним общались. В половине случаев, правда, крали те жалкие

копейки, которые у него с собой были, и мобильные телефоны. Их украли несколько десятков... А он искал Слушателя...

Я только сейчас подумала, что, возможно, Виталик, сам того не сознавая, следовал тому православному принципу, о котором говорил Антоний Сурожский: что с каждым человеком происходит Встреча, и что в каждом, даже совсем заблудшем, есть искра Божия, и надо ее увидеть и говорить с этой искрой, а не с той грязью, что налипла сверху. Виталик видел. Ему были интересны все люди... И он им верил. Как ребенок. Или как блаженный дурачок. Поверил и той мрази, которая его убила. НЕ человеку.

Я все время о нем думаю. И все время с ним разговариваю. Его так много было при жизни, что немало осталось и после... Многие на похоронах говорили мне, что чувствуют то же самое: они вели постоянный, непрекращающийся диалог с Виталиком, ощущали его присутствие рядом. В эти дни Виталик одновременно навестил всех своих близких людей. И собрал многих из них за очень большим столом, как он всегда хотел...

У меня уже давно другая жизнь и другая любовь. Но было так больно на похоронах, как будто ничего никогда не кончается. И «любовь никогда не перестает».

У Виталика осталось очень много близких друзей. И женщин, которые его любили. Его обожали все, кто подходил к нему близко. Потому что он всех любил. И говорил: «Дружба – понятие круглосуточное».

Я надеюсь, что в тех полях, где ты находишься, Виталинька, ты встретишь тех своих родных и любимых, которых потерял на этой земле.

Что ты будешь там с матерью своего сына Арсения, с главной женщиной твоей жизни.

Что вы обниметесь с Геной Жуковым.

Что у тебя не болит печень, целы ребра и видят оба глаза.

И что иногда ты будешь гулять там с моим псом...

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Анпилов. Ювенильный роман 5

СТИХИ

В лучшей своей амуниции...	14
Загрустил? Ты не голоден?	15
Он вздрогнул, когда на плечо опустилась ладонь...	16
Сказала: Нам нужно расстаться с тобою...	16
Времена года (Улыбаешься? Думаешь...)	17
Запутавшийся в чем-то главном...	18
Ветку рукой отводил...	18
Я так хочу туда, в начало...	19
Здесь, в Испании, где ты...	20
Твой телефон на сердце моем...	22
Амфора (Став на колени...)	23
Заговорившись, за окраину...	23
Обо мне говорят...	24
В осеннее утро нырну...	25
Здесь, под высоким небом Танаиса...	25
Что толку от того, что мы сильнее?	26
Хижина под камышовой крышей (1-5)	27
Нам некогда за город – суета...	30
Закат (Смываю глину и сажусь за стол...)	31
Приехали гости...	32
У гадючьих камней...	33
Пожар (Вот недолгой отлучки цена...)	34
Осень реку покрыла...	35
Почему-то теперь вечера...	36
Мы бревна сгружали однажды...	36
Ты зачем стал лодку мастерить?	37
Можно лишь повторить...	38
Жить одиноко и неинтересно...	38
А наутро проснешься...	39
В мире осень...	39
О боли (Легко я пережил доносы...)	40

Есть нежеланье жить...	40
Сегодня так часто срываются звезды...	40
Воспоминание о старшем брате	42
Порыв ветра (Первый порыв...)	43
Работа, выпивка, семья...	43
Из Вас. Александрийского (Я бродил...)	44
Напутствие Тому, что ушел из дому...	46
Есть искус, и ты его знаешь...	47
Агамемнон – Ахиллу (Слушай, старик...)	48
Письмо в город (Внучка за бабушку...)	48
В полутора метрах...	50
Из японских стихов	51
То ли пепсиКола перепилась...	51
Ювенильный романс	52

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Бобби-Джон	55
Царь Новокаледонский	59
Летаргическая баллада	61
С древнегреческого (Мать сына...)	63
На меня вонючка села...	63
За малиновым кустом...	64
Я не стал жевать желе...	64
И вот этим мудакам...	64
Апофатическая эпиграмма	65
У бандита из ушей...	66
Вот цыпленок неоципаный...	66
Его величество Количество...	66
Я только раз посмотрел на меню...	67
Глядь-поглядь, и в самом деле...	67
Мне видится чудесная картина...	67
И Пушкин был бы депутатом!	68
Поэзия – стезя такого рода...	68
Где чувство осознанной необходимости?	68
Когда мужик кого-то трахнет...	69
Мир стал как-то очень утомителен...	69

Во мне живут три человека...	69
Старик, как мы не виделись давно!	69
Я памятник...	70
Томик мой в шкафу стоит...	70

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Пожалейте, дети...	70
Папа в папахе...	70
Жителям дома многоэтажного...	71
Я овсянку всякую...	71
Ехал шах на ишаке...	71
У крысиной красоты...	71
Солдат вьетконга...	71
Эскимосы из кино...	71
Сыну я отнёс в детсад...	71
Летели два долгоносика...	72
Я свою копилку...	72
Я в соседский туалет...	72
Говорят, в Казани раки...	72
Повстречал я людоеда...	72
Слон боится сокола...	73
Непослушных пугал...	73
Идет в песках...	73
Заезжал козел к нам в гости...	73
Муравей слона купал...	73
Галки старого дрозда...	73
Миссисипский экскаватор...	73
Саблезубая овца...	74
Даже у послушных обезьян...	74
На дне растут растения...	74
Шестеро смышленных шахматистов...	74
Жили на свете два серых слона	75
Пир (Заиграют когда-нибудь...)	75
Шипящие силлогизмы и максимы	77
Осыпающиеся стихи на «по»	79

Из цикла про тётю Мотю

Тетю Мотю бросил Боря...	80
Тетя Мотя на вельботе...	80
Выпивала тетя Мотя...	81
Тетя Мотя в день победы...	81
Тетя Мотя в старом доте...	81
К Моте по своей охоте...	82
Тети Моти бюст в шамоте...	82
Тетя Мотя в привороте...	82
Тетя Мотя где попало...	83
Тетя Мотя на болоте...	83
Мотин психоаналитик...	83

Казачья народная (Что ли я...)	84
В старой песенке поется...	85
Тихо-тихо, как улитка...	85
Мне Родина всегда казалась ямой...	85
Полюблю я Россию...	85
И обходя свой дом со всех сторон...	86
Письмо Марине Палей	86
Что-то, предначертанное в нас...	87
Встреча (Оказались за одним столом...)	88
Тебя все чаще поднимают на смех...	88
Избрав меня источником всех бед...	89
Что мне сказать поколению...	89

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ

Монолог бедного поэта	90
Радует ярмарка пляскою редкой...	91
Непонятно мне, чем ты могла зацепить...	92
День начинался высоким туманом...	93
Подарок тебе преподносит поэт...	94
Огласка (Когда позволено ласкать...)	94
Чем не побудка...	94

ДОПОЛНЕНИЯ

Как-то раз приключилось со мной...	96
Перед дождем (Не чувство, нет...)	97
Корова стоит над раскопом...	97
Русалочка (В лед вмерзший камыш...)	98
Она звонила и сейчас придёт	98
Землякам (Я с вами спокойно расстался...)	99
Всю зиму я сижу в Крыму...	99
Отчего летит корыто...	100
Запереться аскетом...	100
В Италии я как-то был по делу...	100
Из соседнего леска...	101
Я на ужин съел рагу...	101
Не попил я с Губерманом...	101
Зачем гуляет Губерман...	101
Не создавай кумира и вождя...	101

Дополнения к циклу о тёте Моте

Докладала тетя Мотя...	102
Говорят, что Церетели...	102
К Моте хиппари вписались...	102
И, от рождения третьего дня...	103
Пришла пора, та самая...	103
К фрагменту статуэтки «Эрот и Психея»	104
Молитва (Чтобы не старились сплетни...)	104
Мы нашли место ложкам и вилкам...	104
Я, видно, уже окончательный псих...	105
Я полгода в беспробудном пьянстве...	105
Следы (В разгар веселья...)	106
Вещи, которые стали моими...	107

ХРОНИКА СМЕРТИ 109

Ася Аксёнова. Виталий Калашиников. Очень личное 113

Материалы в сети

Архив стихов:

http://www.anr.su/literatura/kalashnikov/stihi_abc.html

видео с вечера памяти В.Калашникова:

http://vk.com/id36601799?z=video10024736_161970075%2Fb982e-da643f56ec81a

В основу сборника положено издание:

Виталий Калашников. Стихи, которые очень нравятся Бакшутову, Давыдову и Маше – [Пермь-?].,
Издательско-полиграфический комплекс «Звезда», 2000.
64 с., 2000 экз.

